

Серия «Римские императоры,
какими они были и не были.
Солдатские императоры»

Три дня из жизни
филиппа Араба,
императора Рима.
День третий.
Будущее

Айгас
Сабалаяускас

18+

Римские императоры, какими они были и
какими не были. Солдатские императоры

Айдас Сабаляускас

**Три дня из жизни Филиппа
Араба, императора Рима.
День третий. Будущее**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Айдас Сабаляускас

Три дня из жизни Филиппа Араба, императора Рима. День третий. Будущее / Айдас Сабаляускас — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Римские императоры, какими они были и какими не были. Солдатские императоры)

ISBN 978-5-532-03479-2

Книгу можно рассматривать и как совершенно самостоятельное произведение, и как четвёртую часть романа о римском императоре Филиппе Арабе, первом этническом арабе на троне Римской империи. Для тех, кто не только обожает копаться в анналах и на скрижалях истории Древнего Рима, но и любит рассматривать историю дней вчерашних как аналогию дней сегодняшних (впрочем, и наоборот).

ISBN 978-5-532-03479-2

© Айдас Сабаляускас, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

В частной бане	6
Снова грёзы и иллюзии	10
Почитание памяти отца	12
Миражи – это наша жизнь: Филиппополь вместо Шахбы	18
Варварская напасть. Карпы	24
Мифы прошлого	29
Всё смешалось в доме Облонских в кучу: и кони, и люди	32
Лаконик-судаторий	38
Обнуление	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Планировал написать о римском императоре Марке Юлии Филиппе в жанре небольшой новеллы, однако «новелла» разрослась сначала до трёх, а затем и до четырёх связанных меж собой, но при этом самостоятельных романов. Тому, что в итоге получилось, на мой взгляд, очень соответствуют стихи жившего в первой половине VIII века японца Ямабэ Акахито (в разных переводах), придворного поэта императора страны восходящего солнца Сёму. Творец писал в том числе в стихотворной форме «танка» («короткая песня»).

А поскольку имеющегося на русском материала от Ямабэ Акахито на «всё-про всё» не хватило (не осилил сию ношу, не потянул!), то поначалу я присмотрел ещё одного японца, который и сам творил, и поэзию других собирал: Отомо Якамоти (тут переводчик единственный – А.Глускина). Типа: сам жил, и другим жить давал.

Если первые три книги (части) вытянули на своём горбу двое японских стихотворца, то для последней их сил уже не хватило. Потому и пришлось привлечь третьего, но не лишнего. Отомо Табито (в разных переводах).

Скажете, эклектика: лебедь, рак да щука? Типа совпадение? Не думаю! *Во-первых, это красиво.* Дальше можно было бы и не продолжать, однако *мы не привыкли отступать*, потому продолжу. Во-вторых, Бог любит троицу. А в-третьих, Отомо Табито не абы кто, а отец Отомо Якамоти – куда иголка, туда нитка, нельзя их разлучать.

Втроём ребята и потянули, и всю ношу целиком осилили.

...Соблюдая правила хорошего тона, также хотелось бы передать приветы и высказать признательность всем друзьям, а также непричастным за неоцененную помощь, оказанную в подготовке рукописи данной книги: Геродоту, Гераклиту, Гомеру, Павсанию, Апулею, Еврипиду, Овидию, Плутарху, Цицерону, Ливию Андронику, Ювеналу, Флавию Вописку Сиракузянину, Гаю Азинию Квадрату, Юлию Капитолину, Сексту Аврелию Виктору, Флавию Евтропию, Стефану Византийскому, Зосиму, Зонаре, Никострату Трапезундскому, Феликсу Якоби, Дмитрию Брауну... Впрочем, стоп! Всех перечислять здесь не буду, отошлю к ранее опубликованным частям книги о другом римском императоре – о Галерии. Там все великие мира сего за *личные консультации* (во сне и наяву) поименованы и отблагодарены.

В частной бане

*«Когда бы вишен дивные цветы
Средь распростёртых гор всегда благоухали
День изо дня,
Такой большой любви,
Такой тоски, наверно, мы б не знали!..»*
Ямабэ Акахито

Ночь римский император Филипп, этнический араб, недавно прибывший в Рим с восточных границ империи, провёл в чужой опочивальне, которая, впрочем, уже пару дней, как стала его полной и безраздельной собственностью. Супруга Филиппа, Марция Отацилия Севера, глаз до утра не сомкнула и в ложе к мужу не явилась, рефлексировав и размышляя о колесе истории и о судьбе; о потерях, горестях, триумфах и радостях; о языческой и христианской морали и идентичностях; о мыльных, житейских и жизненных операх, перипетиях и пузырях, не только лопнувших, но и надувающихся; о Риме как не просто особой, а уникальной форме цивилизации; о пище, включая хлеб насущный и зрелища, о воде и воздухе; о пробуждениях, тапках и их владельцах; о железных опилках; о разных мировоззрениях и новых магнитах смысла.

Сначала Филипп спал спокойно, ибо тайны и вирусы разрушения проникли в самые кости мужчины, а разные люди-человеки и антураж вокруг них приятными образами и картинками роились и резвились в его фантазиях. Потом сознание затуманилось, опустилась молочная пелена. Затем, ближе к утру, густой непролазный туман рассеялся и вдруг – бац! – приснился жуткий сон. Мужчина подскочил, спросонья оперевшись на локти, однако, что ему только что привиделось, не вспоминалось, хоть убей.

«Совпадение? Не думаю!» – мелькнуло в сером веществе императора, он рухнул в постель, снова задремал, постепенно проваливаясь в бездонную пропасть. И падал туда, и падал, ибо не было ей ни конца, ни края, ни крыши.

Больше снов не грезилось, одна сплошная чернота в сознании.

Спал долго, почти до обеда, но окончательное пробуждение было тяжёлым, словно с похмелья.

Филипп ещё час валялся в постели и думал, что ему кого-то хочется, а кого – он не знает и, несмотря на усилия воли, никак не может теперь этого понять. Не юную же весталку, которую он отправил невесть куда. Впрочем, это-то как раз весть – на тот свет. Содеянного не воротишь, фарш обратно в цельное мясо не провернёшь, свежего дыхания в труп снова не вднешь. Кого же ему тогда хотелось? Не мёртвого же тела! И не припарок к нему! И не мёртвого осла уши! Впрочем, стоп! О чём это он? Ещё суток не прошло с момента разоблачения монашки. Весталка жива! Просто замурована под землю. Однако при ней – хлеб, молоко, пусть и немного, на один зубок и на пару глотков, но это лишняя неделя жизни в форме растительного или животного существования. Разве что огонёк в светильнике к этому моменту успел погаснуть, ибо масло наверняка выгорело, и сидит теперь несчастная одна-одинёшенька в крошечной мгле.

Так кого хочет император? И он вдруг понял: не кого, а чего. Да, именно «чего»!

Бани! Хотелось бани!

Почему? Что его мучало? К Филиппу пришло осознание: он ощущает себя грязным от экологии Рима. Не только естественной, природно-городской, но и моральной. Вот и зазудело жадой отмыться основательно. Если не всерьёз, то надолго. А лучше так: и *всерьёз, и надолго*.

Традиция общественных купален появилась в Риме ещё во II веке до нашей эры. А к сегодняшнему дню публичных бань в городе было построено уже десятки и десятки. Больших и малых. И даже средних. Видимо-невидимо.

Император заметался: в какие же термы пойти сегодня? В большие? Нероновы? Веспасиановы? Титовы? Траяновы?

Стоп! Траяновы термы – они для матрон и дев, туда за здорово живёшь не сунешься. Нельзя! Бока намнут, все члены тела и органы организма отобьют или поотрывают. А вдруг как раз именно туда можно и нужно? Кто посмеет возразить владыке Рима? У кого хватит духу не исполнить его волю и встать поперёк его державной похоти?

Или всё же предпочесть Коммодовы? Почти каждый последующий властитель Рима, строя бани своего имени, жаждал превзойти предшественника в масштабе, функциональности и роскоши – каждый мечтал жить в памяти благодарных потомков если не тысячелетиями, то веками. Потому и одни бани были других мощнее, вместительнее, удобнее и краше.

А может, устремиться в самые первые, древние, пусть и сработанные по греческому образцу, а потому, пожалуй, наиболее по нынешним меркам скромные, воздвигнутые в I веке на Марсовом поле неподалёку от Пантеона любимцем великого Октавиана Августа, его зятем и воеводой Марком Випсанием Агриппой? Может, и правда, в них, а Агрипповы? Ведь другие, самые величественные, Диоклетиановы и Константиновы, ещё не только не построены, но даже не замыслены, не спланированы и не спроектированы!

Филипп лежал с открытыми глазами и вспоминал, как многоярусные аркады, несущие горную воду не только в публичные термы, а повсюду в разные концы разросшегося города, оплетали Рим целиком, словно сеть-тенёта гигантского мифологического паука.

В баню! И хочется, и колется, *и некому руку подать*. Филипп поёжился и поморщился.

Однако тут в голове императора, словно в сердце, ёкнуло, что хочет он не в общественную (вот почему кололось, ёжилось и морщилось), а в частную, в чью-нибудь родовую семейную. В камерную, не слишком объёмную и не чересчур масштабную.

«Я даже не стану её реквизировать! Просто помоюсь и отойду в сторонку... эээ... пойду по своим державным делам...» – обещает мужчина сам себе, а заодно и заучивает наизусть фразу, которую он выдаст хозяину терм, если тот заинтересуется судьбой своей собственности.

Сразу обострились все чувства, особенно зрение и обоняние – *жить стало радостнее и веселее*.

Частных терм в Риме вообще было великое множество. Философ Сенека не удержался в своё время от сарказма и яда, а Филипп поднапряг сейчас память и вспомнил, как один из почивших ныне в бозе советников некогда цитировал ему великого античного стоика: *«Любой сочтёт себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами, если александрийский мрамор не оттеняет нумидийские наборные плиты, если их не покрывает сплошь тщательно положенный и пёстрый, как роспись, воск, если кровля не из стекла, если фасийский камень (прежде – редкое украшение в каком-нибудь Храме) не обрамляет бассейнов, в которые мы погружаем похудевшее от обильного пота тело, если вода льётся не из серебряных кранов... Сколько в банях изваяний, сколько колонн, ничего не поддерживающих и поставленных для украшения, чтобы дороже стоило!»*

То бурно, то мерно текли мысли августа. Одно в его извилинах-руслах цеплялось за другое, а другое – за третье и четвёртое. Пятое и десятое стояло на паузе, ожидая своей очереди. Неожиданно в памяти императора всплыл услышанный им однажды где-то на середине мимо-лётный (но логически завершённый) спор двух не паркетных, а боевых легионеров:

– Всякий порядочный римский гражданин хотя бы раз в неделю ходит в термы. Но самое оптимальное – каждый Божий день на несколько часов! – говорил коренной римлянин, или, на

худой конец, уже не в первом поколении романизированный варвар, своего исконного *родства не помнящий*.

– Моются те, кому лень чесаться! – злобно и даже яро парировал северный иноплеменник, видимо, германец на римской службе.

– Чувствуется умелая рука! – съязвил римлянин (или романизированный).

– У меня *рука – у кого надо рука!* Это кисть настоящего воина! На поле боя она, сжатая вместе с оружием в один кулак, колоть не устанет и не перестанет, – намекая, что следует заткнуться, потряс тогда мечом-спатой варвар, по виду которого было понятно, что до коренизации и романизации ему отнюдь не рукой подать, а шлёпать и шлёпать пешком, как до Москвы. Варвар на секунду задумался, а потом вдруг выдал, дополняя сам себя: – *Бани, вино и любовь разрушают телесные силы...*

– Ба! Да ты знаток эпитафий! – саркастически восхитился коренной римлянин (или романизированный не в первом поколении). – Но это не вся надпись с могильной плиты фаната терм Клавдия Секунда.

– А что там дальше? – варвара внезапно торкнуло любопытство, что было первым признаком его внутренней, пусть и не осознанной, готовности к коренизации, укоренению и романизации.

– А окончание таково: *но ведь и жизни-то суть – бани, вино и любовь... Balnea, vina, venus corrumpunt corpora nostra, sed vitam faciunt balnea, vina, venus!* Я бы и от себя кое-что сюда добавил, не помешало бы...

– Что?

– Разрушая телесные силы, бани, вино и любовь укрепляют духовные скрепы...

«Я истинный римлянин, хоть и араб! Я люблю чистоту тела и души!» – подумал Филипп, вспоминая этот, казалось бы, навсегда забытый эпизод из своей походной и фронтовой жизни.

...Итак, решено!

«В частную, именно в частную баню! В родовую семейную! В маленькую! В камерную! В уютную! В душевую... эээ... в душевную!» – императору осталось только выбрать богача-счастливчика, который числился хозяином персональных терм. Владельцев личных бань в Риме были сотни, но счастливчиком, отобранным государем, мог оказаться сегодня лишь один.

Филипп мысленно ткнул пальцем в сенатора Понтия (не Пилата), по слухам, тайного христианина.

Совпадение? Мужчина так не думал, и в этом его августейшее мнение совпало с сенаторским Понтиевым – они давно были на связи благодаря посредничеству, скрепам и заступничеству Отацилии.

«Как карта ляжет».

...Карта легла прямо *здесь и сейчас*.

Филипп в предвкушении удовольствия в сопровождении Понтия и пары его рабов-служек расслабленно шагнул в крохотный аподитерий – это была не жаркая и в каком-то смысле даже прохладная римская раздевалка. Мужчина скинул тогу и тунику, тут же суетливо и заботливо подхваченные руками одного из двух невольников, который аккуратно сложил одеяние повелителя вчетверо и ловким, годами натренированным движением отправил его в специальную нишу (ровно так же мастерски гладиатор-чемпион отправляет на тот свет плохо подготовленного бойца-аутсайдера, которого не жалко даже его хозяину-ланисте).

Никаких встречающих шеренг из служек, подобно тому, как это произошло в термах Каракаллы, в частной семейной баньке не наблюдалось. Слава Богам и... Господу!

В следующую часть терм, сорокаградусный тепидарий, император вошёл в одиночку – так ему самому захотелось. Собственно, никто за ним увязаться и не пытался. Даже Понтий понял

– не стоит, душа августа если и не молит, то просит об одиночестве; не следовало доводить до того, чтобы вскипела и громко бы этого потребовала.

В окружающей атмосфере – почти температура человеческого тела. Ну, пусть на три-четыре градуса повыше. Не холодно, но и не так, чтобы жарко.

В тепидарии зависнуть или дальше прошагать?

Филипп призадумался, вспомнил о пустом рте без кусочка сыра и без глотка вина.

Решил, что надолго в тепидарии задерживаться нет смысла – не тронный зал.

«Пусть всё будет последовательно. Иду с низких температур на высокие. *Иду на вы!*» – позволил или приказал сам себе Филипп и, как только его тело обвыклось, шустрой мышью юркнул в помещение с температурой на десять градусов повыше – в кальдарий.

О, какая тут влажность! Пот то градом, то в три ручья! Благодать! Ещё бы и молоденькую весталку сюда под бочок для полного счастья не помешало, а потом... ну, что потом?.. Только не суп с котом! Коты и кошки – это не только те животные, которые ловят мышей. Это ещё вольные и священные для каждого римлянина твари! Они – вечные спутницы Богини свободы по имени Либертас!.. эээ... ну, не из глубины римских веков, а с тех пор, как Египет стал частью Рима, с тех пор, как был снят запрет на вывоз оттуда кошек в Европу и когда вольная кошка в качестве свиты присоединилась к Небожительнице. В любом случае с кошачьими и из них нельзя делать супы!.. эээ... Что-то он сбился с мысли – она ведь была о прекрасной весталке. Что же с девой потом сотворить? Да её, эту юную распутницу, к... Коллинским воротам отправить! В подземный склеп замуровать бесчестную! Втайне, чтобы никто не увидел и не узнал, где могила её. Не в жёны же в конце пути брать языческую развратницу в самом-то деле! Поиметь целомудренную святость – и до свидания! Идиотом был некогда Гелиогабал! Стоп! Ведь Филипп уже с утра об этом думал! Весталка же вчера под землю заживо гнить отправлена! Или он уже на вторую деву губу раскатал? Размечтался? Нет, нет, ни в коем случае! Нельзя же всех их в ямах замуровать и Рим вовсе без служительниц Богине Весте оставить – их всего-то, действующих, шестеро! Это будет уже произволом... судьбы! Слишком! Чересчур! Через край!

Император погрузился в горячий бассейн, хотя по размеру это, конечно, была ванна, словно специально подогнанная под Филиппов рост. Мужчина вытянул ноги и... его, как обычно, сморило.

Снова грёзы и иллюзии

*«Наяву нам, увы, не встречаться с тобою,
Но хотя бы во сне,
По ночам этим чёрным,
Что черны, словно ягоды чёрные тута,
Ты всегда бы являлась ко мне в сновиденьях...»*

Отомо Табито

Странный сон снится Филиппу. Будто попал он ко входу то ли сугубо женских терм, то ли общих, но с отдельными часами работы для мужчин и противоположного пола, однако всё равно сейчас тут как раз время, назначенное для помывки и отдыха не ужасной, а, напротив, прекрасной половины римского человечества.

Вдохновляется во сне император, дышит глубоко, свободно – полной грудью.

Кровь приходит в движение, её ход по артериям и венам не просто неумолим, но неуклонно ускоряется. Того и гляди, что, как *гроздь рябин среди римских равнин*, она брызнет *изо всех щелей и пор*.

Радостно августу и на душе, и ниже пояса.

Грезится владыке Рима, что принимают его в термах не за мужчину, а за достопочтенную матрону, ежедневно хранящую семейный очаг, и требуют за проход внутрь установленную согласно тарифу плату (в разные периоды державной истории посещение терм было то безвозмездным, то дармовым, но именно *здесь и сейчас* оказалось не бесплатным).

– Шта?!!! – встаёт Филипп во сне на дыбы (по воде ванны ходят то бурные волны, словно буруны, то круги, то едва заметная рябь).

Того, кого только что признали за простую римскую бабу-хранительницу домашних пенат, тут же идентифицируют как великого мужа в статусе императора, приносят тысячу извинений, каются и пропускают дальше безо всякой мзды или любого иного эквивалента. Готовы даже доплатить, но денег со служителей терм император, на миг возомнивший себя гусаром грядущего, брать гордо и категорически отказывается.

Филипп во сне минует аподитерий-раздевалку и проникает туда, где все женщины, то мелко встряхивая-потрясывая, то крупно потрясая своими прелестями, ходят исключительно без ничего. А если быть точнее и называть вещи своими именами, то в чём мать родила.

Никто не удивляется появлению августа, однако со всех сторон сыплются восторженные (и риторические) вопросы:

– А нам что, опять разрешили мыться, не делая различий и не разбирая гендеров?

– А разве на это действие были запреты? – в отличие от женщин не риторически изумляется император. – Я вот со своей супругой Отацилией могу безо всяких разрешений мыться в одном и том же месте и в тот же самый час. И раньше так делал... часто. Особенно в медовый месяц. Теперь вот только один сюда пришёл... Но я слышал, кстати, от неё же, от жены, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят!

– Да тут у нас не монастырь, однако!

– Молчать! Не перечить! Не лупанарий же здесь в конце концов!

– Помывочная!

– Супруга у меня человек строгих правил, глубоко верующий... эээ... с ног до головы поглощена не традиционной для Рима конфессией, – сидит на своей волне император.

– Аааа, ну, если так, тогда, конечно, запреты были. И неоднократные. Очень строгие. С карами... небесными за их нарушение. Императоры-консерваторы Адриан, Марк Аврелий и Александр Север один за другим издавали Эдикты о отдельной помывке полов.

– Зачем же каждый из них издавал заново? Или императоры-либералы, правившие в промежутках между консерваторами, эту норму отменяли, позволяя римлянам и римлянкам сливаться в термах воедино, что ли?

– Нет же! Никто ничего не отменял!

– Зачем же почём зря для подтверждения одной и той же нормы переводились папирусы и пергаменты?

– Кто ж это знает! Может, *повторенье – мать ученья*! Традиция мыться совместно возрождалась из пепла сама собой, как только шумные пропагандистские кампании и очередные авралы заканчивались, – в голос уверяют императора почтенные матроны и юные целомудренные девы, поворачиваясь к нему то своими фасадами, то тылами. – Мыться всеобщим кагалом – это не просто очищаться от пота и грязи! Это наш римский образ жизни! *Чтобы в мире безо всяких Персий жить единым человеческим общежитием!*

– Это не римский обычай! Эллинский!.. – август строго поправляет незнаек-незнакомок всех оптом и мягко воркует в сторону той одной, на которую только что положил свой зоркий и плотоядный глаз, и тонкую трепетную душу: – Ступай ко мне, милая девушка! Да иди же ты поближе! Не стесняйся! В ногах правды нет! Присаживайся! Да не поодаль! И не рядом, а на мои колени! Ты здорово вертелась, прекрасно потрудились и в этом преуспела, я видел твой тыл, и уж очень он мне по нраву пришёлся...

– Приглянулся? – переспрашивает дева, словно затягивая время.

– Иди на колени, говорю! Не тяни резину!

– Какие ещё колени! Ни за что не сяду... эээ... я не усядусь! Упаду ягодицами на каменный пол! Ты же сам стоишь, как столб!

– Вот я уже сел!

– Вижу! Не слепая!

– А чего ж ты теперь встала, как вкопанная? У меня жеребец, когда взбрыкивает, точно так на дыбах стоит!

– Что-что? Я не услышала, что у тебя там на дыбы встало?

– Иди ко мне сейчас же! Или ходить разучилась, прелестница? Ну, я сам могу к тебе подойти, я с чаровницами не гордый! Ты куда отскакиваешь?! Ах, ты строптивница! Повелеваю! Могу даже Эдикт издать, если хочешь! Живо ко мне! Одна нога там – другая здесь!

– Заплати и спи спокойно!

– Штаааа?!!!!

– Да я про налоги!

– Штаааа?!!!!!!!!!!!!

– Даром, даром, даром! Бесплатно спи! Бог с ними, с налогами и с дефицитной римской казной! А вот мою шаловливую ручку позолотить не помешало бы! И никаких Эдиктов для этого не надобно! Сторицей окупится твоя щедрость!

...Мужчина, лежавший в горячей ванне, дёрнулся от негодования, но не проснулся, а свободная римская девица вдруг пропала, *будто вовсе не бывала*.

И избыточное возбуждение с императорского тела в один миг схлынуло. Тем более, что перед его глазами из густого тумана выплыла строгая физиономия Отации.

Брррр... Почудилось.

Почитание памяти отца

*«Вот и время пришло
Мне домой возвращаться,
Но в далёкой столице
Чей мне будет рукав
Изголовьем душистым? ..»*

Отомо Табито

Филипп спал и ему снилось, как он, выпрямив в гордой осанке спину, в окружении верных телохранителей-мавров стоит теперь в «президиуме» курии Юлия пред десятками, а то и тремя сотнями римских сенаторов.

На макушке повелителя Рима возвышается не какое-нибудь древнее раритетное старьё, а свежеизготовленная диадема из золота высшей пробы: без лавров, но с высокими шпильками-лучами, как у солнца. Диадема, пусть даже и такая же, как некогда у императора Каракаллы, символизирует, однако, восшествие на римский трон и счастливое правление новой династии, которая будет жить в веках, словно уже наступил фукуямовский *конец истории*. Да, пусть даже всё это действо и вот так называется, ныне Филипп спорить с этим тезисом не станет: *вознёсся выше он главою непокорной Александрийского столпа!* Но точно не с дуба рухнул и не сноб, а солдатский император волей всего Пантеона, единого Господа и с добровольного одобрения сената.

Император размышляет, как бы поделикатней намекнуть сенаторам о своём консульстве. Без предварительной подготовки и репетиций сложно выбрать формат.

– Я, конечно, понимаю, что на текущий год в стране уже есть первый консул... – словно издалека начинает Филипп и замолкает, исподтишка оглядывая публику, собравшуюся в курии.

Должность консула, числившаяся при республике высшей выборной магистратурой и подразумевавшая огромные властные полномочия, во времена империи-принципата превратилась по сути в пустышку, хотя и в чрезвычайно почётный статус. Никто из императоров-принцепсов не осмеливается упразднить этот нефункциональный «институт», от которого остался лишь блестящий фантик, ибо само название была историческим и указывало на прочную и даже неразрывную связь времён.

Сенаторы безмолвствуют, как будто ждут продолжения.

– Я, конечно, понимаю, что на текущий год в стране уже есть первый консул... – повторяет свой намёк Филипп и, сомкнув губы, снова блюдёт тишину.

На этот раз все сенаторские лица обращаются в сторону Тиберия Полления Армения Перегринна, действующего первого консула, опустившего голову, вжавшего её в плечи и желавшего сейчас только того, чтобы провалиться сквозь землю, чтобы оказаться после провала на своей дальней сельской вилле и чтобы о нём как можно скорей все позабыли.

– Я, конечно, понимаю, что на текущий год в стране уже есть первый консул! – Филипп решает, наконец, закончить мысль прямо, без намёков и экивоков. – И я не стал поднимать вопрос о консульстве в тот день, когда вы помазали меня на трон! Но время не ждёт!..

– *Дело в том, что время есть фикция...*

– *Скажите! А мне это и в голову не приходило!.. эээ... Молчать! Время летит вперёд и торопит! И надо думать о будущем! На следующий год ординарный консул, как я понимаю, ещё не избран?!*

– Хорошему человеку я прямо с сего дня могу отдать своё место! – вырывается у Перегрина. – Из рук в руки! Лично! Перед всей этой честной компанией! Вот моё курульное кресло! Я за него не держусь!

– Нет, нет и нет! Всё должно быть по закону до тех пор, пока я не изменю его своим Эдиктом! До конца года осталось совсем немного времени! Досиживай положенное! Пару-тройку месяцев я потерплю... у меня не горит.

В зале раздаются возгласы:

– А как же ваш сын? Может, и его пора назначить консулом? Хотя бы вторым...

– Зачем?

– Во-первых, это красиво...

– А во-вторых?

– Во-вторых, это прекрасно! Это великолепно! Это чудесно! Это грандиозно!

– Хм, это уже в в-третьих, в-четвёртых и в-пятых, а я спрашивал только про «во-вторых»!.. Ему пока рано! Пусть годик ещё потерпит, поработает, послужит и заслужит! У Филиппа Второго ещё всё впереди! Целая жизнь! А вторым консулом в следующем году пусть станет кто-то из сенаторов. Вон хоть... хоть... вон хоть Гай Месий Титиан, вполне достойный член римского общества! – Филипп делает пас в сторону сената как державного института.

– Ура!!! Ура!!! Ура!!!

Император спит и грезит.

...Вот самые активные и креативные сенаторы предлагают Филиппу:

– А давайте мы вас один раз и навсегда изберём ординарным консулом! Чего каждый год заморачиваться?! Времени сохраним уйму, на пустяки размениваться не будем!

– Шта?!!!!!!!!!!

– Пожизненный консул – это звучит гордо, а взамен этого семерых из нас тоже пожизненными назначьте!

Это предложение звучит так неожиданно, что август не находится, как столь же моментально отреагировать. И не просто отреагировать, а отреагировать правильно.

– А для этого разве не надо вносить поправку... ну, например, в Конституцию? – делает изумлённое лицо император.

– *Constitutio principis!* Конституцию принципис! Императорская Конституция! *Quodcumque igitur imperator per epistulam et subscriptionem statuit vel cognoscens decrevit vel deplano interlocutus est vel edicto praecepit, legem esse constat.* Установлено: что бы император ни постановил посредством письма или подписи, или предписал, рассмотрев дело, или просто высказал, или предусмотрел в Эдикте, – всё это является законом! Всё это является констатацией... эээ... Констанцией... эээ... Конституцией! Ведь Конституция – это всего-навсего устройство, установление, сложение. И без вашего её одобрения в гробу её все видели... в белых тапочках!

Пока сенаторы орут, цитируя великого римского юриста Домиция Ульпиана, дослужившегося до префекта претория и отправленного преторианцами в мир иной лет пятнадцать назад, у Филиппа есть время подумать и ответить осмысленно:

– Нет, нет и нет! На последующий год я не стану баллотироваться! Должна быть ротация! Должна быть преемственность! Через год ординарным консулом будет... да вот хоть Гай Бруттий Презент! Пусть побудет один срок, место подержит и прогреет, а потом я его снова сменю, – делает второй пас в сторону сената как державного института Филипп.

Во втором ярусе от неожиданности чуть ли не подпрыгивает грузный мужчина, ещё не понимающий: ему радоваться или горевать.

– Ура!!! Ура!!! Ура!!! – вопит элитная толпа.

Император задумывается и начинает как будто размышлять вслух:

– Впрочем, я готов согласиться и на пожизненное консульство, если такое предложение внесёт сенатор Валентина Терешкова...

– Валентин Терешков, – подсказывают обомлевшие сенаторы.

– Точно! Валентин Терешков! Он самый! Ведь женщинам нет места в законодательном органе нашей державы!.. Пусть у него и необычные преномен и номер, но все вокруг говорят, что они исконно римские!.. Кстати, где он, этот Терешков? Прогуливает заседание? Вот пусть придёт и попросит! Пусть внесёт! А пока – нет, нет, и нет! Только Гай Бруттий Презент! Только хардкор!

Император спит и грезит.

...Деликатность удалась, теперь с сенатом следует быть построже: кнут и пряник правят Римом.

В голове мужчины то гудит, то зудит: «*Промедление смерти подобно!*»

И август, не стесняясь сам, но смущая чужой дух, как будто бьёт имперскую элиту обухом по головам – вот вам, вот вам, нате, глотайте, не пережёвывая:

– Моя жена Марция Отацилия Севера назначается полноправной императрицей! Да-да, сразу августой! Безо всяких «яких» и промежуточных звеньев! Августой, а не просто какой-нибудь там Нобилиссимой Феминой. Извольте все подойти и к её ручке приложиться, как только она соизволит тут появиться. Это будет явление Мадонны народу!

На этих словах Филиппа скрипучие несмазанные створки входных дверей курии растворяются, и все явственно слышат *голос утренний в серебряной росе*, после чего в зал в сопровождении мужской охраны и большой женской свиты (в том числе задушевных подруг), словно гиперборейская лебёдушка, собственной персоной wpłyвает Отацилия.

Женщина благоухает розами (даже Филипповы конкубины никогда так не пахли!), а потому вся курия Юлия наполняется их ароматом.

Мужчины тают то ли от сладости, то ли от страсти, то ли от сладострастия.

«Похоже, что она всю последнюю неделю питалась лишь святым духом и, не кобенясь, запивала эту пищу исключительно терпентинным маслом», – в разных вариациях мелькает подобная мысль в мозгах сенаторов.

Отбросив в сторону птичьих манеры, решительной походкой строевого легионера женщина проходит прямо к супругу и, как равная, становится рядом с ним.

– Раз благоверный долго меня в этом убеждал, я согласилась на статус царицы... эээ... императрицы! Процедуру он обещал провести после боёв в Колизее, но произошла длительная задержка... Лучше поздно, чем никогда! А потому *здесь и сейчас!*

На голове Отацилии – тоже корона из червонного золота, но размером (а значит, и рангом) всё же поменьше, нежели на макушке её мужа. И фасон другой – девчочковый.

У эйфории, иступления и упоения, как и у страха, глаза велики: теперь даже императору внезапно чудится, что его императрица уже не только вровень с ним, но и на голову выше. А сенаторы вообще куда-то под потолок заглядывают, чтобы лучше разглядеть женские черты лица (словно видят впервые... Впрочем, подавляющее большинство и действительно никогда её прежде не видывало).

Гул ликования и восторга затапливает зал до самых потолочных сводов, откуда взирает на всех новая августа.

Отацилия не снобка, поэтому начинает снижаться и, наконец, снисходит, опускается до обычного человеческого уровня, поворачивает голову и в упор смотрит в профиль супруга, которому ничего другого не остаётся, как тоже прокрутить шеей и взглядом упереться в глаза соправительницы.

Из гортани Филиппа само собой вырывается:

– Сегодня же я отдам повеление начеканить великим числом серию серебряных антонианов с профилем римской государыни. А для востока, для эллинской Антиохии – крупную серию тетрадрахм... Так быстрее греки-азиаты поймут, с кем имеют дело, и признают!

Сенаторы гуськом друг за дружкой подходят к римской владычице и, затаив дыхание, прикладываются к тыльной стороне её правой ладони.

Императрица мысленно всех благодарит и благословляет: кого трое-, а кого и двуперстием.

Император спит и грезит.

...Ему видится, как Отацилия прекращает сеанс ворожбы и гипноза и как будто отпускает супруга, опуская свои глаза долу.

Теперь август снова может расслабиться, получить удовольствие и заговорить собственным голосом.

– Мой отец Юлий Марин назначается Богом! – рубит правду- и режет -матку Филипп Араб. – Повелеваю сваять и установить его бронзовый бюст в деревне Шахба... эээ... в великом римском граде Филиппополь! Повторяю для самых тормознутых: это теперь не деревня! Это великий римский мегаполис! Второй по значимости город в империи после Рима! Я переименовываю Шахбу в Филиппополь! Бронзовый бюст Юлию Марину – на родине героя! Всё, как полагается для героев советского... эээ... рабовладельческого Рима как державы! Эдикт я подпишу прямо в эфире... эээ... прямо *здесь и сейчас* перед вами, а вы салютованием своих рук, означающим исконное римское приветствие, одобрите моё историческое решение. Также попрошу даже в спешке не забывать про ликование и несмолкающий гул аплодисментов!

Никто не смеет возразить, хотя в римской традиции не было доселе случая, чтобы обожествлялись смертные, которые в период своей земной юдоли ни одного дня не побыли римскими владыками и, соответственно, не носили императорской порфиры.

– А теперь – официальный Эдикт! Церемония подписания сегодня начинается, но не заканчивается!

Филиппу подают огромный лист выделанного их хорошей кожи гладкого пергамента с гербовой печатью и водяными знаками, и император с важным видом ставит там свою подпись, небрежно бросая через плечо, словно сплёвывая сквозь зубы:

– Отнесите теперь моему соправителю.

Не все в курии сразу соображают, не до всех с ходу доходит, что август имеет в виду своего малолетнего сына, которого он недавно пожаловал правящим титулом цезаря. Теперь никуда не деться, все решения надо согласовывать и визировать у дуумвира. И тогда Филипп Араб для ясности и понимания публикой добавляет:

– Пусть Филипп II тоже подпишет. Пусть не отлынивает от трудных решений и также назначит свою мать августой, а то она теперь уже и шлёпнуть его прав не имеет, а он может, ибо в своём праве! Сын уже умеет стилем орудовать, возить им по пергаменту, наловчился за долгие осенние и зимние вечера. Пусть не упрямится и черканёт...

Вдруг кто-то, как будто проснувшись, начинает бормотать, а точнее, бубнить:

– Бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу...

– Что-что? Я не понял! Не слышно! Погромче!.. *Быть не может, повторите!* – требует император. – Ах, неужели я уже один раз обожествлял отца? Ах, я уже приказывал установить ему бюст? Тогда он станет дважды Богом и на родине героя будет установлено два его изваяния! Я же не требую обязательного золота! Пусть оба будут бронзовыми! Или хотя бы один – платиновым с многокаратными бриллиантовыми вкраплениями! Скромно, но со вкусом...

И опять из того же туловища-источника, будто в противовес, несётся:

– Бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу...

Филипп то ли приседает, то ли оседает, ибо в только что произнесённых словах, вернее, в бурчании-бунчании, улавливает скрытый упрёк и намёк на то, что якобы он своей предыдущей речью тонко, по-сыновьи, по-иезуитски, отмстил неразумному родителю, словно хазарину, *за трудное и босоное детство*. Императору чудится, что окружающие уверовали: вся эта торжественная постановка и его речь являются лишь комедией, фарсом, буффонадой, сатирой, издёвкой, *насмешкой горькою обмахнутого сына над промотавшимся отцом*.

А ведь Филипп-то – он всё *всерьёз... и надолго*, без тени лукавства и без двойного дна!

Побежав глазами по залу в поисках гнусного отщепенца, август сдерживает свой гнев, выявив и разглядев дряхлого сенатора-старика, выжившего из ума, а потому молодшего, словно блаженный, своим бескостным языком что ни попадя, а то и вовсе что попало.

Взор государя становится снисходительным, покидает физиономию безумца и в поисках сатисфакции и более достойного противника, на котором можно сорвать злость и отыгаться, начинает рыскать по прочему пространству.

Внезапно у императора во сне просыпается способность читать чужие мысли, ибо, остановив зрачки глаз на очередном сенаторе, он, хотя губы сенатора жёстко сомкнуты, словно откуда-то издали, из другого измерения, слышит: «Ох, и озорной же этот арабский пройдоха!».

«Это я, что ли, пройдоха?» – нет предела мысленному возмущению Филиппа.

«Ну, а то кто же! Не я же! – смеет думать наглый и безответственный сенатор, по всей видимости, антигосударственник. – М-да... И вообще-то я сделал акцент на определении “озорной”, а не на ярлыке “пройдоха”! Каждый слышит, как он... дышит! Ох, и озорник!»

В курии начинается *большое брожение умов*, как будто все в один миг научились читать мысли друг друга, чем сразу и воспользовались, словно применяя метод эконометрики. Поскольку всеобщая свара обходится без публичных заявлений, обвинений и без хамства, Филипп не педалирует тему и не выпячивает чужие провинности, однако с этого момента он навсегда *утрачивает значительную дозу своей прежней весёлости*.

– *Неба всем вам в алмазах*, сенаторы! – продолжает креативить Филипп. – А про перестройку моего родного селения в великий римский град в уже оглашал? Нет?

Курия Юлия, не поражённая громом, но изумлённая, на всякий случай безмолвствует.

Август набирает полную грудь воздуха и на одном дыхании возвещает:

– Тогда оглашаю! Ведь гласность на дворе! Все заметили или никто? Я присваиваю бывшей Шахбе почётный статус римской *Колонии*!

Сознание императора окутывается *духами и туманами*, а также призраками детства. Теперь эти призраки так и норовят не только воскреснуть, но и обратиться в реальность. Однако чего не дано, того не дано – призраками так и остаются.

«Ах, так?! Вот же вам всем!» – думает Филипп во сне, мысленно грозит кулаком в зал и с торжествующим видом возвещает сенаторам:

– С этого момента и до скончания веков Шахба будет называться...

– Филиппополем!!! – единым победобесным возгласом взрывается вся курия Юлия. – Да здравствует Филипп и его Филиппополь!

Своды здания дрожат и разносят эхо ликования, выбрасывая его не просто внутрь курии, но и вовне: в город и даже за его черту. Разносится повсюду: по всему Риму как державе, а не только Риму как граду.

Сенаторы рукоплещут и, как водится, в едином порыве поют гимн во славу Юпитера.

– *О, молний владыка, ты прежде всех*

Правитель-отец,

По воле которого разом дрожат

Оба края земли, —

Прими, о, Юпитер, наши дары.

*Благосклонно взгляни,
Прапрадед аргосцев, на род царей,
Достойный тебя...*

Филиппу лестно, что все его таковым считают, хотя по поводу личности самого Громовержца терзают августа смутные сомнения: может, это и не Бог вовсе, а придумка древних необразованных и вообще малограмотных смертных.

«Мама родная! – внезапно во сне осеняет императора. – Это же меня сморил Морфей, и мне видится моё собственное грядущее! То, что меня в скором времени ждёт, и то, чего ни при каких обстоятельствах не случится! Может, и правда, согласиться на Юпитера? Громовержец как-никак многими веками апробирован! А приняв новое, можно неизвестно в какую историю вляпаться. Вдруг в болотную трясику засосёт. Там в формуле столько рисков и неизвестных!»

Среднестатистический римский человек, если во сне осознаёт, что он спит, тут же приходит в себя, пробуждается и открывает глаза, даже если приходится их продирать (в любой последовательности). Филипп, однако, не среднестатистический, он уникальный, а потому не пришёл в себя, не проснулся и век не размежил.

Мысли о будущем позволяют ему птицей Феникс возродиться из пепла прошлого.

Миражи – это наша жизнь: Филиппополь вместо Шахбы

*«Как журавль в тростниках
В бухте той Кусакаэ
Бродит в поисках пищи,
Так и я... Как мне трудно!
Как мне трудно без друга!..»*
Отомо Табито

В грёзах август взмывает ввысь, словно крылатый белоснежный ангел, перелетает в азиатскую часть Римской империи и, витая в облаках, глядит вниз на свой... Что же там внизу? Хутор из двух-трёх мазанок, срубов, глиняно-каменных хижин, песочных или воздушных замков? Или эти точки на земной тверди – всего-навсего убогие переносные шатры бедуинов, банальные для местных долгот и широт? Или это вообще шевелящиеся барханы, где белковая жизнь весьма своеобразна, минимальна и скорбна, но при этом нет человеческой?

«Надо продвинуть римскую культуру в самую толщу и гущу моих соплеменников-арабов! Следует просветить и осветлить тех, кто тёмн! Вытащить их из пещер... эээ... из песков! Снять с могучих талий шкуры мамонтов... эээ... грубые верблюжьи балахоны! Я готов ради столь благородного дела выпрыгнуть из штанов... эээ... отдать последнюю рубашку... эээ... расстаться с туникой... с белой вышитой красными нитями туникой, но только не с пурпурной тогой и не с багряным плащом! – рвано, но здраво и чётко мыслит император. – *Здесь будет город заложен назло...* эээ... на радость моим землякам. По сути на целине. Заново. Не считать же бывший *трёхдворовый хутор* поселением! Это не *трёхгрошовой опера* – это моя Родина! *Поднятая целина...* скоро будет!»

Филипп витает в облаках, а в руках у него откуда ни возьмись появляется градостроительный план с чётко расчерченной по симметрии сеткой улиц и с обозначенными на этих улицах домами, с центральным Храмом-базиликой в гексагональном стиле, окружённым стеной с единственным парадным входом в виде двустворчатых ворот («Потом Храм непременно станет христианским», – попутно и будто невзначай думает неугомонный мужчина). План с грандиозной главной триумфальной аркой и арками помельче; с Форумом-центральной площадью; с амфитеатром и театром. С впечатляющей по размерам, если соотнести с масштабом карты-плана, главной городской баней и то там, то сям разбросанными термами помельче. О, Иисусе, сколько же на плане всего и всякого: хорошего и разного! Одним махом не охватить и не осмыслить! И не побивахом! Абсолютный идеал, созданный необузданным пространственным воображением!

Вот, однако, прямо на глазах Филиппа разворачивается грандиозная стройка.

Словно по мановению волшебной палочки, бывшая Шахба в грёзах императора начинает преобразовываться в Филиппополь и преображаться. По сути деревня из двух-трёх жилищ сносится под ноль, до самого основания, *до дней последних дощца*, состригается наголо, как человеческая голова или природный кустарник, и на пустом месте благодаря мозолистым рукам рабов и хорошо оплачиваемых вольнонаёмных начинает вырастать новый современный римский град симметричной планировки и правильных пропорций: с языческими храмами (строить христианские не только не возбраняется, но и поощряется), с акведуком, с роскошным театром и амфитеатром из базальтовых блоков, с паутинкой дорог. Впрочем, пока всё это в самом зачатке, но *лиха беда начало!* Будет на всех улицах праздник!

Филипп вглядывается сверху, пытаясь ухватить и навсегда удержать в памяти каждую деталь, а если что не так, то чутко поруководить, порулить и поправить.

Вот уже и готовый Форум. Впрочем, сейчас площади словно нет – её не видно, *её съела толпа* строителей и благодарных местных арабов, которые планируют получить в новом граде бесплатные дворцы, особняки и виллы. Столпились на Форуме в ожидании жилищных ордеров (обещали тут раздать). Или всего лишь сертификатов?

Обещанного три года ждут, следовательно, всю оставшуюся жизнь.

Император спит и грезит.

...Взгляд Филиппа, выныривая из облаков, мечется по растущему граду – скоро, совсем скоро он станет мегаполисом. Это невероятно: ничего не было, и вдруг – бац! – нечто возникает. Теперь любой житель Филиппополя, прожив долгую и счастливую жизнь и обратившись в конце этого пути в дряхлого старика, сможет рассказать своим внукам и, если их застанет, правнукам о том, *как город-красавец в пустыне возник, как в синее небо взметнулись дома и как удивилась природа сама.*

Вон там – три колодца, они защитят от палящего солнца. Да какие три! Три десятка в разных концах града! Но и это ещё не всё, ибо будет – три сотни!

А вот две главные городские улицы, под прямым углом пересекающие одна другую в самом центре города и по традиции обрамлённые рядами роскошных мраморных и гранитных колоннад. Первая улица – Кардо Максимум (Cardo Maximus) – ведёт с севера на юг и, наоборот, с юга на север. Её *промежуточные концы* с обеих сторон упираются в ворота, но на них не прерываются, а вырываются на оперативный римский простор, переставая быть *концами* и превращаясь в прямые и кривые. Вторая – Декуманус Максимус (Decumanus Maximus) – ведёт с востока на запад и обратно с запада на восток. Её тоже с двух сторон перерезают врата, ограничивающие городское пространство.

Кардо Максимум и Декуманус Максимус – они такие, что никакой компас не нужен! И на небо заглядывать нет смысла: ни днём на положение солнца, ни ночью на расположение звёзд. Все стороны света лишь по этим улицам определить можно!

Вот статуи языческих Богов (не Пантеон ли? впрочем, вроде нет), фонтаны, зелёные скверы. Мозаика повсюду, где надо и не надо. Внутри строений и в качестве пешеходных дорожек. Взгляд императора проникает сквозь толщи любых каменных стен – в частных домовладениях мозаика поинтереснее, позабористее: такую не всегда на всеобщее обозрение можно выставить, а уж показывать детям – табу! Скулы сводит от одного взгляда! Но хочется смотреть, не отрываясь, сутками! Зрачки императора замирают на мозаичном полотне с изображением эллинских Богов-любовников: Афродиты и Ареса. Эти двое – Богиня любви и Бог войны. Или это не эллинские, а римские Венера и Марс? Впрочем, в империи аналоги античных Небожителей давно смешались и слились меж собой, как *в доме Облонских* – стали Венерой-Афродитой и Марсом-Аресом. Эта мозаика сохранится в веках и люди будут любоваться ею через тысячелетия!

С тех пор, как Филипп попал в Рим, он и наяву за неполных три дня, и во сне за минувшие месяцы познал многое из области римо-эллинской, или эллино-римской, мифологии. Поэтому сейчас во сне императору вспоминается история любви Венеры-Афродиты и Марса-Ареса. Богиня любви потому и была Богиней любви, что и её любили, и она любила, а если и не любила, то позволяла себя любить *не только лишь* духовно. А потому всю изменяла своему мужу Богу Вулкану-Гефесту, умудрившись при этом нарожать от благоверного кучу детей: Богов любви Эрота и Гимероса, Бога взаимной любви Антэроты, Богиню согласия и семейного счастья Гармонию, братьев ужаса и страха Дэймоса и Фобоса, а также бесчисленных амазонок (и ещё кучу – от кого попало). Узнав однажды об изменах, ревнивый муж устроил так, что во время любовных страстей его Божественная жена и её обожатель, Бог войны, запутались

в золотой выкованной им паутине: самостоятельно не выпутаться. А Гефест над ними посмеялся, созвав всех коллег по Божественному цеху посмотреть на пикантное зрелище.

Император спит и грезит.

...Какая же вокруг прелесть! Каким великолепным будет весь архитектурный ансамбль, когда строительство окончательно завершится! Финала ждать недолго. Да полис и сейчас уже чудесен, вырастая не по дням, а по часам *из миража, из ничего, из сумасбродства одного!* Лепота!

Это будет римский город-сад для арабской и... и... эх, была ни была, чего осторожничать!.. и для христианской элиты империи! Впрочем, скоро арабская и христианская – это будет одна и та же элита, а не две разных! Монотеизм непременно победит своего заклятого врага в лице политеизма!

Внезапно в голову спящего императора приходит сногшибательная идея: а не сделать ли центральный Храм Филиппополя Филиппейоном? Ведь в своё время были же у эллинов чрезвычайно популярными Мусейоны – Храмы муз. Почему бы не возникнуть Филиппейону, ведь сам Филипп для всяких разных искусств и культурок-мультирок человек отнюдь не чужой: не чужд ни живописи, ни музыке, ни поэзии, ни танцу, ни пению, ни всему остальному. Или в Филиппейон превратить городской театр? Тоже блестящая идея!.. А можно и то, и другое, и пятое, и десятое!.. Стоп! Филиппейон будет не просто отдельным строением, а Храмом, посвящённым семье Филиппа и всей его последующей тысячелетней династии! И Филеппейон может быть не один, а много: больших, средних и малых, как бань. Хороших, но... нет, нет, не разных!

Только голову истинного, пусть и интуитивного, христианина могла посетить столь великая мысль.

Император спит и грезит.

...Ба! А это что такое? Это вишенка на торте – вот он, по меньшей мере один бронзовый бюст на родине героя. Изваяние отца Филиппа. Да и не просто чьего-то родителя, а Бога по имени Юлий Марин! Бога, который когда-то был всего лишь человеческой плотью. Да и не один бюст, а первый! И не два, а море! Хороших и... тоже не разных! Впрочем, и разных – тоже. Бронзовых, позолоченных и золотых! *Чёрных, рыжих и льняных! Грустных и весёлых.* На каждом углу и перекрёстке Филиппополя. О! А вот тот самый один-единственный, который платиновый с бриллиантовыми многокаратными вкраплениями! Прочих бюстов множество, а этот – уникальный, как и сам Бог Юлий Марин в истории без пяти минут тысячелетней державы! Как и сама держава.

«Филиппополь – второе издание Рима! Реплика Вечного града! *Импортированный фасад!* Да что там скромничать, лучше Рима, ибо имеет почётный статус Колонии! Вторая столица. И, чем чёрт не шутит, со временем станет первой! Неисповедимы причуды истории, как и... пути Господни!» – думает августейший мужчина (и в перспективе оказывается не столь уж неправ: хоть Филиппополь и не станет столицей империи, Вторым Римом, но столица переместится-таки в Азию – Второй Рим на противоположном европейскому берегу Геллеспонта ещё появится, всему своё время).

В общем, Рим да не Рим. *Федот, да не тот.*

Филипп, витая во сне в небесах, видит всё, что ни есть внизу, и делает себе в памяти зарубки. Не наблюдает сейчас только своего детского жилища. Куда оно делось? Ведь как будто только что было! Или давно и без остатка съедено временем? Или недавно снесено, отправившись на свалку истории? В любом случае нет его больше. Было да сплыло! Эх, надо было оставить для потомков в качестве артефакта (и места для туризма и поклонений)!

И вдруг мужчина осознаёт и уже не изумляется осознанному: исчезнувший отчий дом, где с рождения проведено всё его малолетство, отрочество и юность, и который только что воспринимался с такой ностальгией и теплотой, внезапно стал видиться жутко холодным, чужим и чуждым. Напротив, родным и близким стал мрамор и гранит в Риме, столице империи, родной и близкой стала курия Юлия, словно именно здесь Филипп из лона матери вынырнул и всю взрослую жизнь провёл.

...Над полями за быстро растущей крепостной стеной *видно было ясно, как переливается прозрачный, жирный зной.*

Сон Филиппа не прерывается. Его мозг повторно озаряется мыслью, уже пробежавшей прежде в сером веществе, но в другой формулировке: «Позавчера в термах мне снилось, что было... эээ... и чего не было в прошлом. В далёком и близком прошлом. А сегодня – что будет и... чего не станет в грядущем! Я вижу, я прозреваю будущее! Предупреждён – значит, вооружён!»

Император продолжает спать и грезить. Он стремителен, *из тени в свет перелетая*. Его душа возвращается с востока обратно на запад, в столицу империи, в курию Юлия. Сенаторы как стояли в зале, так и стоят (вернее, все уже сидят, даже если прежде кто-то и находился в вертикальном положении), никуда не смея безнаказанно уйти или разойтись без команды.

Разве что в сенате скромной серой, словно *кардинальской*, тенью появляется новое физическое лицо со скорбной физиономией – это в помещение прокрадывается главный казначей империи и с ходу начинает жалобиться:

– Деньги любят тишину, но, молчи не молчи, кричи не кричи, казна от этого не наполнится! И тем паче не распухнет... от жира. Но её может разнести... от голода. Оскудеет!

– Короче!

– А если короче, то нынче казна пуста! В державе большой дефицит бюджета. Жалованье легионерам и чиновникам мы смогли *выплатить в декабре лишь за август*. Потребна рука дающего!

– Дефицит бюджета?

– Ну, большая дыра! На строительство Шахбы... эээ... римской колонии Филиппополь уже угрохана несметная уйма денег, и их теперь ни на что не хватает! Кругом одни долги и персияне-заимодавцы! Теперь понятно, что такое дефицит?

– Я знаю, что это такое!!! – рывкает император, вспоминая прелестную, но строптивую деву-прорицательницу из римских бань, усиленно намекавшую на дефицитную казну и налоги, а потом вдруг неизвестно куда пропавшую, будто её вовсе не бывало (сон в руку! Божественное провидение!). – Я не новому для себя термину подивился, а факту того, что он из твоих уст исторгнут. Твоё дело решать проблемы, а не рассказывать, как они тяготят державу...

– Мои уста вторичны. Они лишь надстройка над базисом.

– Тебе не нравится наш державный базис?

– Базис у нас – ого-го какой базис! Таких базисов и в Персии днём с огнём не сыщешь! Однако дефицита в моей надстройке не было бы, если бы его не случилось по факту. Никуда от него не деться! А есть факт – есть и акт! Вот он! – главный казначей империи понуривается и предъявляет императору и сенату, *городу и миру* плотный лист пергамента с чёткой бюджетной росписью.

Документ испещрён словами «займ», «просроченный кредит», «долги», «технический дефолт».

– Вот делов-то! – восклицает Филипп. – Повысьте налоги! Без Филиппополя Риму не жить! А с Филиппополем – процветать!

«А с Филиппополем – и подавно не жить... хорошо! Ведь хорошо жить – это всегда лучше, чем просто жить!» – мелькает в голове казначея: он поднимает голову, и император

видит прилившую к лицу визави красноту, дрожащие губы и дёргающееся веко. Это ли не замешательство!

Август скор не только на руку, но и на идеи:

– Пошлите повеление покрыть дефицит бюджета моему брату Приску, префекту претория и ректору всего Востока! Я уверен, он с задачей на раз-два справится! Уж Приск-то нюни распускать не станет!

Казначей открывает рот и хочет что-то возразить, но Филипп не даёт ему произнести ни звука:

– Молчать! Я сказал, повысить налоги! Вот и сенаторы меня поддерживают! Все – сугубо по доброй воле, ибо они сами, за исключением некоторых отщепенцев, люди... доброй воли!

Сенаторы безмолвствуют, изображая из себя весь римский народ.

– Вам я держать язык за зубами не приказывал! – оглядев зал курии, гудит император и тычет пальцем в казначея, опять понурившегося. – Это он должен молчать!

– Повысить!!! Повысить!!! Повысить!!! – то вразнобой, то в голос гомонят сенаторы, спасая свои жизни от плахи, а души – от адского пламени.

Казначей, на миг приподняв голову, снова втыкает свой взгляд в пол и бормочет:

– Но и этого может не хватить. Обнищал нынче римский народец... даже в культурной Азии.

– Какие у нас ещё имеются источники покрытия дефицита и выплаты долгов? Впрочем, долги подождут, потом их вообще списать сможем. Остаётся дефицит и источник его покрытия, – задаётся вопросом август. – Может, твои закрома пошерстить?

– Там нет шерсти!

– Мы будем искать у тебя не овчинку, не стоящую выделки, а серебро и золото! Или... электрум.

– Мой дом не Дакия! А если он когда-то и был Дакией, то оттуда всё давно выкачано в римскую казну. Я все свои личные средства в неё внёс.

– В Дакию?

– В казну! Я римский патриот и поэтому гол, как сокол!

– А если пошуршать и поскрести по сусекам?

– Там пусто! Но, чтобы обошлось без *шерстения*, шуршания и *скребения*, у меня есть идея! Продаю... эээ... отдаю за просто так и во славу Родины!

– Говори!

– Так исторически сложилось, что Рим платит варварам... дань.

– Дань?

– Ну, пусть откупное... Субсидии... Дотации. Нет разницы в названиях, они лишь придают или отнимают красоту.

– Зачем?

– Чтобы не лезли своими грязными руками к нам в чистую душу... в пределы Рима. Чтобы не переходили наши кордоны и границы... приличий! И чтобы от других варваров нас обороняли. Варвара надо бить варваром! Разделяй и властвуй! – даёт чёткую справку казначей.

– И кому мы сейчас платим?

– Вот хоть, к примеру, карпам.

– И в чём заключается твоя идея... столь дорогая, что покроет необязательность реквизиции всего твоего личного имущества? – медленно шевеля мозгами, жуёт губами император.

– А разве непонятно?

– Нет!

– Хм...

– Я хочу не гадать... на кофейной гуще, а услышать это от тебя! – хмурится Филипп.

– Можно перекрыть карпам кислород – у нас его больше останется, – медленно изрекает казначей, думая при этом почему-то о Гае Мессии Квинте Деции, префекте претория и Рима, с которым сегодня поутру у двух мужчин состоялась случайная, но отнюдь не мимолётная встреча в термах Каракаллы (по её итогам ударили по рукам).

Филипп улыбается во всё своё августейшее лицо:

– Правильно мыслишь! Оборонять себя мы и сами... с усами! Повелеваю: прекратить любые и всякие выплаты карпам! *Сорвать с них все и всяческие маски!*

– Но при Гордиане III и Аквиле Тимесифее, да и при других правителях она выплачивалась!

– К дьяволу их обоих! И остальных туда же! Великая держава не должна платить дикарям! Вот и сенаторы все, как один, со мной согласны.

– Согласны!!! Согласны!!! Согласны!!! – не ленятся надсадно вопить глотки элиты. – Во всём поддерживаем!!! Мы сами бы ни за что до этого не додумались!!!

Вдруг Филипп видит во сне, что, оказывается, трёхъярусные ряды курии Юлия не блещут белковой, жировой и углеводной полнотой. Более того, немногочисленные сенаторы не стоят, а сидят или беспардонно развалились на ярусах в то время, как сам император столбом вертикалится чуть ли не по стойке «смирно». Август начинает приглядываться пристальней. И правда, в ногах правды нет. И правда, помещение не заполнено. Кажется, сидения и ярусы-возвышенности заняты на две трети. Или всего-навсего наполовину или на одну четверть? В остальной части нет курульных кресел на ярусах. Проплешины на возвышенностях – зияющие пустоты. Значит, кворума-то при принятии решения не было? Вот те раз! Или... или... или...

Император приглядывается ещё тщательней. Что такое? Кажется, он вообще стоит перед пустой аудиторией, как когда-то стоял в момент собственной коронации и помазания на трон. Стоп! Так... надо прокрутить в сознании ещё раз: получается, он и в прошлом пребывал в курии один-одинёшенек? Вот так открытие! Ух, и сволочи эти сенаторы – не разобрать, где и когда они, эти предатели, есть, а где и когда их совсем не бывает!

Или Филипп сам сейчас в горячечном бреде? Его мутит? Он бредит? *Белая палата? Крашеная дверь? Тонкие паутины из-под кожи щёк тлеет scarlatины смертный огонёк?* Бррр... Где же она вообще, истинная реальность?

Кажется, именно такое чувство было у Филиппа и в Колизее. Или оно было иным, с полутонами, с *пятьюдесятью оттенками серого* или со ста – чёрного; или с тысячью – белого?

...Понтий и его рабы-служки услышали поначалу стоны и всхлипывания, а затем храп из ванной кальдария, но, перетаптываясь с ноги на ногу, не посмели потревожить сон своего государя.

Варварская напасть. Карпы

*«Эх, коня бы сейчас,
Что подобен дракону,
Чтоб умчаться
В столицу прекрасную Нара,
Среди зелени дивной!..»*

Отomo Табито

Спящий император возлежал в ванной и грезил.

...Теперь он грезит уже второй половиной 245 года нашей эры, когда в пределы державы, а именно в Мёзию, не получая положенного серебра и злата, осмеливаются-таки, переправившись через Дунай-Дунавий, вторгнуться полчища варваров-карпов, возмущённых римской наглостью: Филипп отказал им в выплате дани, которой исправно откупался ещё Гордиан III да и многие другие их предшественники.

«Фу, какая мелочь... пузатая! Тьфу на этих некультурных дикарей! Да и ерунда всё это! На Балканах правит мой талантливый шурин Севериан. Раз он брат Отацилии, то, значит, и большой государственный деятель. Веятель и сеятель! Шурин – талантливый и отважный полководец, жена меня в этом заверила. Он с ними быстро разберётся. На раз-два!.. Ну, в крайнем случае на раз-два-три расправится!» – думает во сне император, причмокивает и потирает руки, пуская по воде волны, круги и рябь.

Пройдя, как сквозь оливковое масло, всю Нижнюю Мёзию, карпы выходят на оперативный простор и грозят теперь, растекшись, затопить собой все Балканы.

– Бездарный Севериан! Неумеха! Я разочарован, однако! – пеняет император Отацилии на её брата-проконсула Македонии и Мёзии.

– Нельзя списывать со счетов парня из-за случайной неудачи, – оправдывает близкого родственника императрица, сложив крестом на груди руки. – Это в первый раз! Он оплошал из-за никудышных советников и бестолковых полководцев, которые достались ему в наследство от трёх предыдущих Гордианов. Севериан доверился не тем, кому нужно было. В следующий раз у него всё получится! Надо дать парню второй шанс! И третий, и четвёртый... Уж на пятый-то он точно не оплошает! Семью надо беречь, холить и лелеять, на то она и семья! Другой такой у нас с тобой уже не будет! Чужие тебя могут предать и вероятней всего когда-нибудь так и сделают, а Севериан – никогда!

– Но он бесталанный! Сей мужчина, как выяснилось, бездарь!

– Зато верный! Горло за тебя, кому хочешь, перегрызёт!

– Всё-то приходится делать самому! – приходит к неожиданной для самого себя мысли август.

Поднятые по тревоге итальянские легионы во главе с Филиппом выдвигаются с одного полуострова на другой: с Апеннинского на Балканский.

«Бог ты мой! Какие свершения и военные победы мне предстоят! – думает во сне воодушевлённый император. – Юпитер... эээ... Иисус сулит мне славу и триумф!»

Филипп спит. Ему снится, как римская армия, придвигаясь к кордонам, торжественным маршем вступает в красивый эллинский город, расположенный во Фракии.

– Что это за град? – спрашивает Филипп у греческого проводника.

– Это...

– Стоп, не надо... не учи учёного! Я сам всё знаю!

– Это...

– Молчать, я сказал! Я в курсе, что это Филиппополь...

– Это...

– Молчать! Иначе на кре... на плаху!

– Я только хотел уточнить и подсказать, что ваш Филиппополь, который строится на месте Шахбы, – он на востоке империи, в азиатской части державы. А тутошний Филиппополь, уже отстроенный и обустроенный, – наш, фракийский. Эллинский! Европейский! Другой! Он вам *не ведомый избранник!*

– Ещё как ведомый!

– Как?! Вы разведали? По глазам вижу, что нет... Или?... Да неужели...? – проводник остановился, чтобы перевести дух, и о чём-то задумался.

– Что неужели? *Пронеслись вокруг метели?*

– Неужели вы знаете, что почти шесть столетий назад этот град завоевал Филипп II Македонский? А завоевав, прославил его тем, что переназвал в свою честь. Неужели не ведаете?

– Ну, не знаю, и что?!... эээ... Конечно, я в курсе этого! Однако сегодня сей град – мой! На период войны с карпами эти крепостные стены станут моей ставкой! Боевой резиденцией, где будут разрабатываться стратегические и тактические планы всей военной кампании! У меня два Филиппополя! И оба в честь меня! На кре... на плаху его! Взять его! Ату его!

Когда несчастного утаскивают на тот свет специально обученные телохранители-мавры, август повелевает:

– Легаты-пропреторы, легаты легионов, префекты легионов, трибуны и примипилы! Через час жду вас всех на кубок вина... эээ... на военный совет! Впрочем, одно не исключает другого. Мы победим, и враг сбежит!

– *Так за царя, за Родину, за веру!* – дружно гремит в ответ вся армия. – *Ура!!! Ура!!! Ура!!!*

Филипп спит. Ему снится, что наступательные ратные планы срываются.

Тяжело дыша, Филипп видит в своих грёзах, как карпы отбрасываются за Дунай-Дунай. Он сам преследует их в Дакии, упоённый *счастьем*, будто ловит ещё один чин «*Величайший*».

Лёгкая и летучая арабская конница, словно эскадроны грядущих гусар, нещадно крошит, кроит и кромсает неорганизованные толпы варваров в пух и прах.

И даже в капусту.

«*Вот бы снова Дакию захватить – там и золота было море, и серебра океан!*» – внезапно вспоминает император слова, некогда оброненные сенатором Претекстатом, а дальше домысливает сам: – Вот он, источник новых поступлений в казну, покрытия её дефицита и долгов! Впрочем, мои долги и долги державы можно всем благосклонно простить – пусть кто-нибудь только попробует рыпнуться! Вот на какие деньги я дострою свой ближневосточный Филиппополь и проведу Секулярные игры в честь тысячелетия Рима».

Но в прекрасные линейные мысли августа вклиниваются сомнения: «Однако... чуть не запамятовал... нельзя забывать то, на что мне уже открыли глаза: Дакия уже давно наша и... и... и все драгоценные металлы из её недр уже выкачаны Траяном и докачаны теми, кто правил после него. Неужели на меня и моё благословенное правление, и правда, ничего не осталось?... Казначей и прочие финансисты, *ищите женицину*... эээ... ищите деньги, землю носом роите, женщин я сам себе нарою!»

Императору всё чётче вспоминается тот разговор с сенатором Претекстатом, а заодно и грезятся картины и образы, сложившиеся в голове, исходя из беседы мимоходом. Плывут живые сюжеты в сером веществе: вот умирает царь Дакии Децебал, и его приближённые разбегаются кто куда. Вот дакийцы-предатели на огромных блюдах с голубыми каймами преподносят императору Траяну сто шестьдесят пять килограмм чистого золота и триста тридцать

один килограмм столь же чистого серебра. Всё добро – из того самого клада, что был спрятан по приказу Децебала в реке Саргессия, чтоб эти ценности не достались врагу. Так предатели из числа поверженного народа выторговывают себе у римского императора-покорителя Дакии жизнь и безбедную старость внутри своей новой римской родины.

Вот золотоносная Дакия с её молочными реками и кисельными берегами покрывается множеством разрабатываемых золотых приисков – оттуда высасываются новые несметные сокровища. Вот конкретное месторождение с названием Вереспаток – из него добывается и вывозится в Рим свыше двухсотпятидесяти тонн золота. Благородного металла в Риме теперь столько, что Траян, великий завоеватель из далёкого прошлого, отменяет в державе все налоги, а каждому свободному римскому гражданину-налогоплательщику единовременно выплачивается по шестьсот пятьдесят серебряных денариев.

«*Не сестерциев, а именно денариев! Ну, а каждый серебряный денарий, как все знают, классически состоит из четырёх сестерциев!*» – Филипп вспоминает слова сенатора Претекстата о том, что эта субсидия пусть и не на много, но превышала годовое жалованье рядового легионера!

(У Араба во сне, хотя он лежит в горячей ванне, выступает холодный пот, сжимаются, как у волка, челюсти, и скрипят зубы то ли от восхищения Траяном, то ли от зависти к нему).

О Господи Иисусе! Ведь в Дакии добывалось не только золото, но и электричество – такой самобытный минерал, где золото и серебро, словно сросшиеся близнецы, сплавлены меж собой как *два в одном*. Целый поток электричества сыплется с неба. Где счастье, там и *бедствие*! Инфляция разыгрывается в империи, управляемой Траяном.

Одни воспоминания и ассоциации порождают другие: куда иголка, туда нитка. Вот она, готовая сеть-паутинка. Уже не один сон во сне, а как будто цепочка нанизанных друг на друга снов: мужчина спит и видит сон, а в этом сне – ещё один сон, а в нём – ещё один.

Как будто вся *жизнь есть сон*: вот в детской руке Филиппа ауреус с портретом Траяна на лицевой стороне, а на оборотной – с изображением Богини Виктории со щитом и надписью «Дакия». Но... тут императора осеняет, что, говоря о захвате Дакии, Претекстат имел в виду переносный смысл. Типа «такую же, как Дакия». Ибо в оригинальной Дакии, провинции давно завоёванной, нет больше серебра-злата-электричества! Пуст тот сундук, а потому потерял былую ценность. Не бывать в Римской державе, подвластной Арабу, гиперинфляции, не говоря уж о галопирующей! И даже просто ползучей не бывать!

Филипп во сне вдруг вспоминает, что собирался провести аудит и полную инвентаризацию имперских закромов ещё в 244 году, но так и не сдержал своего слова, не отыскал воров, не выгнал их за ушко да на солнышко, ни с кого не взыскал по делам их и по справедливости.

«Ещё есть время, – думает император, причмокнув во сне. – *Вся жизнь впереди... надейся и жди!*»

Внезапно один сон во сне прервался, а за этим – и вся цепочка. Остался просто логический и последовательный сон о грядущем.

Император спит и грезит.

...В сражениях и стычках проходит вся первая половина 246 года нашей эры – и к середине лета робкие карпы, оставляя то ли римлянам, то ли на произвол судьбы свои города, веси и крепости, бегут, сверкая пятками... до самых Карпатских гор.

«О, Иисусе! Я же теперь...» – осеняет владыку Рима.

Мысль не прерывается, а естественным образом перетекает в прямую речь.

– Я нынче *Карпийский Величайший*! – объявляет император войскам, а разросшейся, как на дрожжах, канцелярии отдаёт приказ: – Сейчас же готовить об этом Эдикт за моей подписью и срочно сообщить в Рим! Сенаторы должны знать, что они не ошиблись в своём императоре!

Пусть готовятся восславить меня официально сразу, как только судьба и Боги... эээ... как только Господь Бог позволит мне вернуться в столицу!

Голову туманят мысли, а язык вязнет в зубах и гландах (их ещё не научились при заболеваниях вырезать без последствий для здоровья).

Прямой речью и суеотящейся челядью дело не закачивается, ведь виктория должна быть увековечена на материальных носителях. Посему секретари, помощники, писари, курьеры и прочая обслуга продолжают стоять на ушах – император никому не даёт ни покоя, ни заскучать, ни задремать: мол, на то и щука в море.

– Скачите в Рим и на все монетные дворы! Вручите денежным властям мои Эдикты о чеканке серии монет касательно начала новой эры в истории римской Дакии! Я – второй Траян! Я круче Траяна! – приказывает Филипп, а в голову его лезут мысли о префекте Рима и претория Гае Мессии Квинте Деции, уже за пару дней успевшем в гущах столичного народца получить неформальную партийную кличку Траян (но правящий император об этом – ни сном, ни духом).

– А если спросят, где им взять золото и серебро для чеканки, что отвечать? – мнутя посланцы.

Тут императора снова пронзает неприятная мысль о том, что недра Дакии давно опорожнены: нет там больше благородных металлов. Пусть остатки и сладки, но и остатков-то никаких нет!

– Пусть изыщут возможности! – гаркает владыка Рима. – На то они начальниками и поставлены!

...Вскоре, как назло, приходят вести, что на доведение до ума азиатского Филиппополя опять нет денег.

– Раз мы прекратили выплаты карпам и нам это недорого обошлось, пора заканчивать и с прочими варварами! – озаряет Господь Филиппа. – Больше ни денария германцам! Ни сестерция! Ни шерсти клочка с паршивой овцы!

Почти никто и не обращает внимания, не замечает, не вдумывается в то, что же такое сказал император. А тот, кто смекает, не становится буквоедом и не долго раздумывает над тем, кого или что август имел в виду под овцой.

Словно по цепочке приходят в движение голодные и озлобленные северяне – горячая, не в пример южной, кровь бурлит в дикарях.

«Чтоб два раза не вставать, заодно погромим и этих», – думает во сне Филипп.

И даёт жару варварам. Их горячая кровь стынет в жилах.

Разгромлены у Рейна и бегут на другой берег робкие германцы: река, впадающая в Северное море, – это естественный рубеж между Римом и европейской *Варварией*.

– А собственно, кто это? Что за племя? – спрашивает Филипп. – Кого мы нынче разбили наголову?

– То ли готов, то ли квадов...

– Таки я не ошибся: это германцы?

– Так точно!

– Тогда будем считать, что разгромили и готов, и квадов, и всех к ним примкнувших!

– Так точно! Всех, иже с ними!

– Значит, я теперь *Германский Величайший*! Готовьте Эдикт и сообщите об этом событии моим соправителю и соправительнице, а также в римский Сенат! Сенаторы меня всегда поддержат, среди них у меня вечное квалифицированное большинство.

Внезапно император слышит из эфира возражение, которое произносится не вслух, а мысленно:

«Там у тебя большинство не квалифицированное, а стопроцентное... до первой кочки, о которую споткнёшься!»

«Стопроцентное – это тоже квалифицированное!» – приводит свой мысленный довод Филипп, на что получает из эфира прямо в лоб:

«Стопроцентное – это не квалифицированное, а... стопроцентное!»

Настоящая пикировка. Поскольку Филипп не находится, что подумать в ответ или в отместку, то и перепалка прекращается, умирает сама собой, а у августа так и не получается вычислить, кто же мысленно с ним так рьяно спорил.

Мифы прошлого

*«Чем пытаться рассуждать
С важным видом мудреца,
Лучше в много раз,
Отхлебнув глоток вина,
Уронить слезу спьяна!..»*
Отомо Табито

Филипп спит и грезит.

...В грёзах ему вспоминается, как в амфитеатре Флавиев гид-экскурсовод лоббировал римскую богему: режиссёров, актёров, музыкантов, художников, писателей и поэтов, способных сплочённой командой единомышленников встраиваться в любую систему и выстраиваться в разные конфигурации, включая спаянную театральную труппу – гибкие позвоночники, *скованные одной цепью, связанные одной целью*. Посредством экскурсоводовых уст то ли настёрная, то ли навязчивая, то ли целеустремлённая богема на расстоянии уверяла его, что *театр начинается с вешалки* и что прежде в Колизее проводились не только кровавые разборки и увеселения, но и костюмированные представления, мифологические и драматические спектакли.

«Эврика! – рефлексирует во сне Филипп, словно он Архимед. – Вот где пришлось бы кстати их деловое предложение о ремейке... нет, не о ремейке, а о реконструкции на арене... на сцене Колизея серии знаменательных сражений с карпами, готами, квадами и с теми, кто к ним примкнул. Вот какую постановку вместо мира с Персией, тьфу на него, эти единомышленники могли бы вскоре организовать и изобразить! Эх, неспроста они ко мне заявлялись, пусть и рано. Нет, не рано! Это был Божественный знак! Сигнал свыше! Само провидение! Вот вернусь в Рим и призову к себе гида-экскурсовода, пускай отыщет весь творческий коллектив и приведёт его ко мне. Я поставлю ребятам задачу устроить такое театральное зрелище, какого доселе не видывал Рим! Средств на него не пожалею!»

И тут августа осеняет, что... *не догнать ему бешеной тройки*: гид-экскурсовод отправлен на плаху и связующая нить с этой частью богемы оборвана безвозвратно – император ведь даже ни разу не видел этих богемных ребят в лицо, а лишь слышал о них из уст того, кто сам нынче – лишь кучка гнилого праха.

Впрочем, одну августейшую мысль тут же перебивает другая:

«Незаменимых у нас нет! Уверен, что в столице великой державы и гидов-экскурсоводов, и подобных команд единомышленников – что собак нерезаных! Пруд пруди! Кину клич – понабегут, прискачут, слетятся, как мухи на мёд! Вот только бы до Рима добраться! Вот только, братцы, добраться б дотемна!»

Император спит и грезит.

...Теперь ему снится, как в августе 247 года после блестящих побед, одержанных над ордами карпов и германцев, он на белом жеребце возвращается в центр мира: в столицу Римской империи. Его земляки-мавры, сражавшиеся в войне с северными варварами в качестве лёгкой летучей конницы, на этот раз сопровождают своего повелителя даже не как телохранители, а как переквалифицированные специалисты: восседают в сёдлах в роли тяжёлых законных в броню катафрактарыев и клибанариев (в мыслях готовятся стать преторианцами). Окрестные пространства оглашаются лязгом металла, лошадиным ржанием и прочим шумом передвижающегося войска, с викторией возвращающегося из похода.

«Ба! – думает в своих грёзах Филипп. – А ведь прошло ровно три года с тех пор, как я победителем впервые вступил в пределы Рима! Как быстро летит время! *У меня растут года!* Так не заметишь, как вдруг и Богом станешь... как мой отец».

В сердце империи Филипп, как и в свой первый раз, въезжает со стороны Квиринала, самого высокого из семи римских холмов – через легендарные северные Коллинские ворота Сервиевой стены. Не даёт ему покоя монашеский институт непорочных дев-служительниц Богини Весты.

Сидя верхом на коне, император, как и в его первое прибытие в Рим, активно вертит вокруг себя головой, хотя нынче знает и отлично помнит, где находится то самое *Campus Sceleratus* (Злодейское поле, Кладбище для преступниц), где много веков подряд заживо заму-ровывались в землю весталки, нарушившие клятву соблюдения невинности и осквернившие своё тело и *междуножье* бесстыжим соитием с мужчинами.

«И зачем я снова через Коллинские врата в Рим поплёрся? – думает император. – Тут уже всё обследовано и ничего интригующего больше нет, кроме вон того места, куда зарыли весталку Корнелию, застуканную мной в амфитеатре Флавиев на непотребстве с директором Большого цирка!.. Следовало въехать через древние *Porta Caelimontana*, Целимонтанские ворота, к реконструкции которых приложил руку сам Октавиан Август. Наверняка там для меня открылось бы много нового и интересного, ещё не познанного...»

На этот раз, в отличие от первого прибытия в Рим, мужчина вспоминает и о Квиринале, и о Квирина, в честь которого к холму приклеился одноимённый топоним.

«Теперь я в курсе, кто такой Квирина. Это Небожитель, пришедший в Рим от сабинян и ставший исконным Божеством исконных римлян. Квирина – это то ли сын Бога войны Марса, принявший образ царя Ромула, то ли сам Марс... – думает, вспоминая детали потусторонних родословных, Филипп, всегда то тайно, то явно восхищавшийся подвигами воинственного Олимпийца. – Оба они Боги войны! И Квирина тоже! Но кто теперь помнит этого Квирина? Никто! Даже те, кто живёт на самом холме и рядом с ним или часто тут бывает!.. Кстати, в феврале надо не забыть и с эпическим римским размахом отметить праздник в честь Квирина. О, Квириналии! Тогда снова все, подобно мне, вспомнят о былом...»

Августу снова грезятся Марс-Арес и Венера-Афродита, голышом запутавшиеся в золотой паутине, выкованной Вулканом-Гефестом и исподтишка подложенной в ложе любовников: «Ох, и шалуны, эти Олимпийцы!»

(По водной поверхности ванны, как на открытом просторе, ходят волны, круги и рябь.)

«Тогда все вспомнят о былом, – повторяясь для собственного вящего запоминания, продолжает размышлять во сне Филипп. – Вспомнят даже о том, как, выпутавшись из тенет, Богиня любви, *восставшая против мнений света*, сбежала от супруга на родной Кипр и там нырнула в море, чтобы в нужном месте восстановить драгоценное целомудрие. И надо же, у неё всё получилось! Девичий цвет вернулся к своей хозяйке! Не каждой Богине на её веку удавалось провернуть такую махинацию с собственным телом, ибо мир не знаком ещё с новыми технологиями в индустрии красоты! Когда-нибудь эта сложная махинация станет простой и обыденной операцией».

Филипп спит и грезит.

...Словно продляя своё купание в лучах славы, он, удобно угнездясь в седле, медленно и гордо двигается по улочкам Рима. Останавливается, будто невзначай, то там, то сям. Натягивая на себя узду, заставляет жеребца танцевать на одном месте и вокруг своей оси.

– Да здравствует император! *Ave Caesar! Ave Augustus!* – кричат не только убелённые возрастом старухи, достопочтенные матроны и прелестные юные девы, но и седые деды, и мускулистые мужчины (равно как и хлюпики), и безусые юноши.

Все бросают в воздух не только чепчики, но и прочие головные уборы. А у кого их нет, руками активно изображают подбрасывание и (для вящей убедительности) подпрыгивание.

Ни один мальчик про голого короля даже подумать нынче не смеет, не то что вслух заикнуться, не говоря уж о том, чтобы громко завякать.

Вот она, мирская слава. Приятно щекочет не только ноздри и не только нервы...

Всё смешалось в доме Облонских в кучу: и кони, и люди

*«Не сливы ли белой цветы
У холма моего расцветали
И кругом все теперь в белоснежном цвету?
Или это оставшийся снег
Показался мне нынче цветами?..»*

Отомо Табито

Император спит и грезит.

...Вдруг тонкая нить логики, последовательности и непрерывности резко обрывается, а её концы словно окунаются в воду. Филипп спит, и ему теперь грезится фасад мелкой лавчонки то ли в Рим-граде, то ли где-то в самой культовой и культурной части империи – на её азиатском берегу. Неужели это любимый и родной Филиппополь, впрочем, уже переставший быть любимым и родным.

Перед входом висит табличка: «Фирма патриция и чистокровного римлянина Абдуллы Сидорова».

Филипп делает несколько шагов вперёд и оказывается внутри помещения. В лавке трое, считая Филиппа, но не считая собаки, которая крутится у хозяина под ногами (а двое – это продавец, то бишь владелец торговой халупки, и покупатель, нервно ощупывающий на прилавке тончайший и дорогуший китайский шёлк).

Однако Филиппа как раз никто не видит, он невидимка, будто спрятался под восточной волшебной шапкой, превращающей смертного в полную прозрачность, подобную обыкновенному воздуху. Разве что бдительный пёс, кажется, что-то чувствует, нервничая всем телом и его составными частями: шерстью, лапами и ушами. Поводя носом, тяжело дыша, слегка поскуливая, порываясь и не смея залаять, чтобы в случае прорухи не обратиться старухой и не получить от хозяина физический нагоняй под дых.

Покупатель, будто расплачиваясь за товар, протягивает продавцу тусклые и почерневшие от времени монеты:

– Вот тебе две копейки и изволь выдать мне сдачу рублями! Нет, не так! Переформулирую! Вот тебе два медяка и изволь выдать мне сдачу червонным золотом...

«Какое-то совсем далёкое будущее, – избегнув стадии гипотезы, делает свой финальный вывод Филипп Араб. – Какая-то совсем незнакомая и суперуникальная цивилизация. Ни на Рим тут ничто не похоже, ни на... мой Филиппополь. И как я сюда попал? Как добрался до этих высот, которые круче, чем олимпийские пьедесталы? Вроде на брюхе перед Господом я не ползал и даже на коленях перед иконами ещё не постоял. Наверное, дорос духовно! Но нужно ли мне всё это, о, Иисусе? Ну-ка, верни меня обратно в мой мир и в моё время! Пусть я и не был царём, но я своё ещё не доцарствовал! Да и на троне-автоматоне ещё ни разу не посидел! Короче, всего, полагающегося мне от материального бытия, я ещё не обрёл. Моя мечта должна сбыться при жизни и наяву!»

– Я жду сдачу червонцами! – не дождавшись ответа, повторяется настойчивый *покупатель*, который, как известно, *всегда прав*.

Хозяин лавки стоит с выпученными глазами, как будто в замешательстве глядя на покупателя, но Филипп, взглянув в лицо продавца, понимает, что в его мимике нет искренности, нет естественности, но есть вымученная нарочитая игра плохого актёра: на самом деле торговец несколько не изумлён, а, похоже, ждал от покупателя именно этих слов, ибо они – ключ,

шифр, пароль, потайной вход в мир избранных! Но любой пароль всегда требует верификации и подтверждения, лишь после чего может прозвучать отзыв и *открыться ларчик*.

– Так дождусь я своей сдачи или нет? – в раздражении и в нетерпении злится покупатель, то ли переминаясь, то ли притопывая (*два притона, три прихлопа*). – Где мои червонцы?

– Мы же с тобой друзья до гроба! – внезапно и будто некстати заявляет продавец и вопрошает: – Разве не так?

Но Филиппа на мякине не проведёшь: он-то видит воочию, что это заявление и вопрос – точно в кассу!

– До гроба? Не так ли? – повторяется торговец, как будто что-то своему визави подсказывает или на что-то ему намекает.

– Это само собой! Друзья – не разлей вода! До могильной плиты! – соглашается покупатель. – Так я дождусь или нет благодарности и... благодати?

– Да ради Бога!

– Что «ради Бога»? Где сдача, спрашиваю! Сколько можно изображать из себя невесть кого и придуриваться?

– Только не падай в обморок.

– Так некуда тут падать, кругом столько всего понаставлено, грязь и одни острые углы!

– Тупых тоже немало!

– Сам на них падай. Где моя доля награбленного у народа? Или мне уйти, не солоно хлебавши?

– Вон в том углу! Туда ступай! Там большой сундук! Ящик Пандоры! Видишь? Это про твою честь! Забирай, если поднимешь и сможешь унести!

– А ведь мог бы и с первого раза меня услышать! – вмиг успокаивается покупатель, подходит к сундуку и пытается в одиночку сдвинуть с места несусветную тяжесть, однако у него ничего не выходит. – Он же заперт!

– Разумеется! Ты хочешь, чтобы я ценности открытыми держал? Они же не духовные!

– Отопри сам или дай мне ключ, я хочу посмотреть и убедиться, что ценности в сундуке действительно есть и что они... не духовные... И что же там конкретно?

– Там есть всё, чего пожелает твоя душа – ни одного пустого места!

– Неужели всё? А золото?

– Есть!

– А чего там нет?

– Как ты невнимателен! Я уже сказал: духовных ценностей и пустого места!

– Поможешь хорошему человеку решить небольшую проблему?

– Какую?

– Как ты невнимателен! Я уже сказал... ну, пусть намекнул: перенести это сокровище ко мне домой!

– Я – нет, не помогу! Я на такое не подписывался! – резко отвергает просьбу о помощи продавец, минуту молчит, а затем произносит загадочную фразу. – Однако без государственной поддержки, я уверен, ты не останешься! Без присмотра держава тебя не бросит!

– Я уже на крючке?

И только успевает прозвучать вопрос, заданный как шутивно-риторический, а потому не требующий ответа, как в лавку, сметая всё на своём пути (разве что кроме Филиппа, ибо собаке тоже не поздоровилось: зайдясь в лае, она получила пинок в пузо и улетела в угол с сундуком), врываются работники секретной службы по борьбе с коррупционными доходами и прочими нехорошими проявлениями.

– Всем оставаться на своих местах! Контрольная закупка! Я официально заявляю, тут идёт процесс дачи взятки! Можно сказать, событие свершилось, дача взятка состоялась, коррупция налицо, поэтому мы тут! – что есть мочи вопит руководитель группы захвата.

– Так вы сами мне вчера сдачу тоже золотом выдавали... эээ... у меня червонцами брали! – то ли оправдывается, то ли возмущается, то ли делает вид, что возмущается, покупатель. – Я именно отсюда вам её и притаранил! Где бы в другом месте я червонцев набрал? Во всех других местах выдают лишь сестерциями, денариями, антонинианами, ну, в крайнем случае тетрадрахмами! Вчера вы ещё требовали двукратного увеличения своей доли... в общественном пироге! Вот мне и пришлось снова сюда заявиться.

– Вчера мы были не при исполнении. Частными лицами! А сегодня исполняем и блюдём державную законность! Это деньги, украденные у императора и народа! – чётко аргументирует свою принципиальную государственную позицию руководитель группы захвата. – Руки за голову! Нет, за спину! Оба! Оба, я приказал! *Упали на пол, отжались!* Без рук, я сказал, отжались! По сто раз каждый отжался! Каждый по сто, я сказал, а не в сумме! Всю сдачу за этот год на бочку! Где тут бочка? Раз нет бочки – вон на тот сундук! Отныне брать сдачу мы будем не через посредников, а непосредственно из первоисточников! Чем короче цепочка от поля до прилавка, тем меньше рисков и весомее результат: к рукам посредников-живопырок ничего не прилипнет. Усушки-утруски-утечки навсегда уйдут в прошлое! Посредников следует направлять на кресты! – [тут Филипп с болью и тоской вздыхает, что у него дальше первых трёх звуков продвинуться в этом слове не получается] – Посредники – они самые большие воры в державе! Их надо выжигать калёным железом! Раз сократилась, скукожившись, кормовая база, то и пищевые цепочки должны соответствовать духу времени!

В этот момент дружбу продавца и покупателя разрезает, будто в действие вступил *свежезаточенный* столовый нож. Отныне участники торгового оборота – враги, и на допросах с пристрастием один будет стучать на другого, а второй примется заваливать и топить первого.

Внезапно в лавку врывается уполномоченный представитель всего римского народа. В помещении становится совсем не продохнуть и тесно – так много кислорода забирает и места занимает не умудрённый опытом, а возможно, как раз чересчур опытный новичок.

Уполномоченный укоряет, правда, непонятно, кого именно – его укоры звучат, словно угрозы или как революционные обличения власть предержащих. Впрочем, это обычные выстрелы в никуда, в воздух, из баллисты – по воробьям:

– А вы помните, как десять лет назад нам говорили, что если к власти придут богатые, то они воровать не будут, ибо им незачем? А потом говорили, что чиновникам надо платить хорошо, чтобы они не крали и не брали взятку. А сегодня уже говорят, что борьба с коррупцией разрушит государство! Доколе? А? Доколе, я вас спрашиваю!

Уполномоченный представитель с торжествующим видом свысока оглядывает всех присутствующих и вдруг осознаёт, что попал не в ту лавку, в которой ему следовало сегодня оказаться, а если и в ту, то или слишком рано, или чрезмерно поздно. Но быстро покинуть халупку вновь прибывшему не дают: один из державных служащих загораживает выход, словно рискуя своим накачанным телом (и будучи точно уверенным, что не жизнью). *Попался, который кусался!*

– Доколе?... Доколе?... Доколе?... – засуетившись и сникнув, бормочет уполномоченный. – Выпустите меня! Мне надо идти! У меня срочные дела! Жена, дети – семью кормить надо!

– Молчать! Мне никто ничего подобного ни позавчера, ни вчера, ни сегодня не говорил! Ты кто такой? Откуда взялся? – хочется закричать Филиппу, принявшему все сентенции о воровстве, взятках, коррупции, чиновниках и разрушении государства на свой личный расчётный счёт, но у него как будто пересыхает горло и чудится, что отсыхает язык (однако ничего страшного с языком не случается).

Араб может лишь формулировать мысли, но не исторгать из себя звуки:

«М-да! Совсем далёкое будущее! Это, наверное, эпоха через две тысячи лет после того, как я стал... стану... стал Господом Богом... Иисусом... нет, Богом под собственным именем! Богом Филиппом Арабом Первым!.. Правильно я подумал: какая-то тут в округе совсем незна-

комая и суперуникальная цивилизация. Господи Иисусе, за что же я такой чести-то удостоен? Боже, ты когда-то помог мне помазаться на... ну, пусть на царство, так верни своего помазанника и любимца в моё время и на мой трон, даже если он и не автоматон!.. И чьё же это правление? Я понимаю, что господствует в этой эре мой прямой потомок по мужской линии. Но через сколько же столетий и поколений?»

Работники силовой державной службы тем временем удаляются... вместе с сундуком из угла (не догадываясь, что это ящик Пандоры), с хозяином лавки, покупателем и даже с уполномоченным представителем всего римского народа. У нечестивой, пойманной с поличным троицы руки заломлены за спину до выверта суставов. Торговец при этом со стонами повторяет, как заведённый:

– Я же говорил, а мне не поверили, что до гроба... до гроба... до гроба... Я же говорил, а мне не поверили, что до гроба... до гроба... до гроба... Я же говорил, а мне не поверили, что до гроба... до гроба... до гроба... Прорицаю: всех нас когда-нибудь ждёт могильная плита: и тех несчастных, кого сейчас тащут, и тех счастливых, кто волочёт!

И тут, оставшись в лавке один (скулящая собака, прихрамывая на все лапы, выскочила вслед за хозяином), Филипп слышит, как на улице раздаются возгласы:

– Ave Augustus! Да здравствует император! Ave Augustus!

«Боги посылают мне отгадку! Надо взглянуть на моего потомка!» – оживляется в думах Филипп и своими двумя, не касаясь, однако, земли, покидает торговую халупку. Словно плывёт в воздухе, аки посуху. А словно и не словно.

На улицах в ликовании и экстазе беснуются людские толпы. Сегодня им позволяют побесноваться, выпустить пар, выплеснуть энергию и даже пораздавливать друг друга всмятку (всю массу прижмут к ногтю и погасят позже, когда наступит ночь и она потеряет пассионарность).

Совсем ничего не видно, кроме спин, голых и гривастых затылков или же перекошенных бритых и бородатых лиц, снова и снова без умолку вопиющих, будто бы поющих:

– Ave Augustus! Да здравствует император! Ave Augustus! *Многия лета! Славься, наш римский царь!*

Этот рёв стоит в ушах... бесконечной Вселенной.

Филипп как будто огорчается: «Мне про *многия лета* не кричали... и не пели... У них иная жизнь, у них иной напев. Стопудово совсем далёкое грядущее! А я пойду один к неведомым пределам, душой бунтующей навеки присмирив...»

Он вспоминает, что способен взмывать ввысь и тут же пользуется своим умением, превратившимся в навык.

Витая, окликает императора-потомка:

– Эй, правитель, подними голову к небу! Смело взгляни снизу в лицо своего великого... *Величайшего* предка, после смерти ставшего Богом... Иисусом Христом... типун мне на язык, конечно! Да задери же ты голову, Фавн... эээ... чёрт тебя подери! *Мне сверху видно всё, ты так и знай!*

Голова окликнутого, словно под гипнозом, резко задирается вверх. Значит, слышит, *курилка!* Теперь Филипп видит истинное лицо нового владыки империи, вглядывается в его мимику и черты, которые оказываются до боли знакомыми. Да это не лицо, а мурло! *Мурло* мещанина, вылезшее из-за спины Римской империи! Ряха! Морда! Гнусная и подлая физиономия!

Араба обуяет ужас. Да и не просто ужас, а *ужас-ужас-ужас*. Ибо в роли императора одного из грядущих «тысячелетий» *величаво, будто пава*, выступает Гай Мессий Квинт Деций, который уже не просто Гай Мессий Квинт Деций, бывший некогда префектом Рима и претория, а август Гай Мессий Квинт **Траян** Деций. Пусть и не тот великий Марк Ульпий Нерва **Траян**

конца I – начала II веков нашей эры, однако **Траян** из III столетия, дьявол во плоти и... чёрт его побери! Будет совсем кошмаром, если вдруг очнёшься, а на твоей руке – гипс!

Траян! Траян! Траян! *Как много в этих звуках для сердца римского слилось!*

Это же знак Божий, чуть не задыхается от озарения во сне император.

Это грядущее, которое... совсем рядышком. Вот оно – его, как Деция, можно потрогать руками. Не просто притронуться, а ощупать. Щупать обеими пятернями столько, сколько хочешь и с любой силой. И оно, это грядущее, Филиппу совсем не нраву. Его ещё можно подправить, скорректировать, изменить, пройти по нему опасной бритвой, в конце концов заявив: «Всё равно ничего не получилось!»

Однако...

...Император дёрнулся, нахлебался воды и, рефлекторно вскакивая на ноги и отплёвываясь, проснулся. Бешено вертя вокруг головой, он пришёл в себя и понял, что всего-то третий день в Риме, что кошмары – это иллюзия, *миражи* (пусть это и *наша жизнь*) и что сам он сейчас находится в частных термах Понтия (не Пилата). Однако возбуждение прошло не сразу: мужчину некоторое время потрясывало и потряхивало то мелкой, то крупной дрожью.

«Ещё не поздно всё изменить! – подумал август, вспоминая призрак Деция Траяна, но тут же откатил назад. – Так вроде и менять нечего... Ничего же не случилось... Просто дурной сон... А верные люди мне наяву всегда потребны. Прочь иллюзии, аллюзии, миражи, галлюцинации и фантазии! Прочь повторы и тавтологии, плеоназмы и речевые избыточности! Остановись, воображение, ты ужасно! Я вытащил Деция из грязи... из дерьма... в князи... и он будет благодарен мне по гроб жизни... своей, разумеется. Я-то – Бог! И буду жить вечно: хоть на земле, хоть на небе, хоть в раю, хоть... нет... ад – это не для меня, это место уготовано для других. Для плохих людей, а я хороший...»

Мужчина, опять принимая в ванне горизонтальное положение, непроизвольно застонал, словно от боли в зубах. Да так громко, что на этот раз в кальдарий шагнул хозяин терм, и, протягивая отдыхающему сшитые корешком пергаменты, трогательным и дрожащим от волнения голосом пролепетал:

– *Вот книжка моих стихов. Прочтите. Вы в один миг поймёте, что у меня вселенская душа.* Стихи у меня писаны на тему Господа нашего, единственного и неповторимого! Не чета всем нечестивым Богам Пантеона...

– О твоей душе и виршах мне уже докладывали, – отмахнулся Филипп, у которого у самого душа была переполнена круче, чем любая чужая, даже патриархова вселенская. – О каком Господе речь?

– Хм... а говорите, что докладывали... не похоже на это... далеко от истины... ещё дальше от правды... – путаясь в формулировках, смущённо забубнил сенатор Понтий. – Хм... Разве Оталия вам не сообщала?

– Сообщала! И не единожды! Я просто уточнял... для верности. А ты как всеу смеешь вслух упоминать мою благоверную и привлекать её дух к нашему разговору? Это недопустимый полемический приём!

– О простите меня, мой повелитель, я больше так не буду... Это было в первый и в последний раз!

– Станешь паинькой?

– Не сомневайтесь!

– Ты искренен?

– А то!

– Верю! В первый и в последний раз!

– Простите, ради Бога! Я люблю и не просто люблю, а обожаю сильную руку! – Понтий бухнулся ниц перед ванной, в которой лежал август. Явь сливается со сном, а сон – с явью.

Но сейчас *явно была явь*, и Филипп это осознавал:

– Так и быть, я прощаю тебя! Сам Господь прощает тебя! Поди сейчас вон и больше не греши!

– А мои стихи?

– Что «стихи»? Какие стихи?.. Ах, стихи!.. Продолжай писать свои вирши, если они будут не в пику мне, а во славу меня!

– Они во славу Бога.

– Значит, и меня, и моего отца – тоже! Пиши дальше и приноси мне для прочтения. Сам я, конечно, читать их не стану. Будешь декламировать мне вслух. Только, Боже тебя упаси, не здесь и не сейчас!

«Я и зрелище в Колизее с вашими викториями... грядущими... пусть даже их никогда не случится, смог бы в рифму как режиссёр поставить. Я любое поражение способен в массовом сознании превратить в победу, а падение со свободным ускорением (пусть это всего-навсего ускорение свободного падения) – во взлёт баллистического снаряда... ну, пусть снаряда из баллисты. Я и как сценарист выступить сумел бы, самолично и складно описав все события! Я Пушкин... я Вергилий наших дней!» – Понтий хотел было развёрнуто сообщить о своих талантах и гениальности (собственно, ради этого он и явился), но, что разговор закончен, император недвусмысленно дал понять такими простыми народными словами:

– Мне пора в следующую комнату! *Чтоб воду в ступе не толочь*, не заставляй мою душу страдать! *Душа обязана трудиться: и день, и ночь, и день и ночь...*

Сказав это, Филипп встал в ванне во весь рост, чутко прислушиваясь к шуршанию стекающей с него воды и ощущая на теле от этих струек приятную щекотку. Но он не засмеялся, а тем паче не заржал: «*Смех без причины – признак дурачины!*»

Понтий, смущённый величием и масштабом личности своего императора, остался в одиночестве потеть в кальдарии, хотя изначально в его планах этого не значилось. Подумал при этом: «Как же я обожаю сильную руку!»

Лаконик-судаторий

*«О, пускай мне говорят
О нефрите, что блестит, озаряя тьму ночей,
Но когда мне от вина
Сердце радость озарит,
Не сравнится с ней нефрит!..»*
Отомо Табито

Стены вокруг императора блистали большими драгоценными кругами. Александрийский мрамор оттенял нумидийские наборные плиты, покрытые тщательно положенным и пёстрым, как роспись, воском. Кровля в комнатах-атриумах вся была из прозрачного и разноцветного стекла. Фассийский камень, редкое украшение даже для Храмов, обрамлял бассейны и ванны. Краны, из которых лилась холодная и горячая вода, были из чистого серебра. Вокруг высилось множество искусных и дорогих изваяний и колонн, ничего не поддерживающих и поставленных лишь для украшения, *чтобы дорожке стоило*. Так сказать (кто ж с этим публично поспорит), уютно, скромно, камерно, *по-семейно-родовому*, и одновременно всё тихо-мирно, чинно-благородно, современно и модно: в точности по стойку Сенеке – все причислявшие себя к римской элите равнялись сегодня на его... несвежую писанину двухсотлетней давности. Парадоксы рулили историей и современностью – с абсурдом не поспоришь, перед ним можно лишь разинуть рот, округлить глаза и замереть в ошеломенности.

Император бодрствовал и, никуда не спеша, мигрировал внутри терм на своих двоих: никто его не переносил, *из тени в свет* не перемещал.

О баня! Римская баня! Как ты хороша! Внутри организма так и поёт душа!

Вот, наконец, она... нет, не весталка, а сухая парная с восьмидесятиградусной жарой – округлый лаконик-судаторий как часть кальдария. Сауна! Парилка! Потовыжималка! Ух! Уф! Кряк! Крях! Филипп поухал, *поуфал*, побрякал и даже побряхтел. Разве что ахнуть и охнуть не успел или желания не изъявил, но *случай для такого случая* представится наверняка ещё не единожды! Не в последний же раз он в своей жизни парится!

Специальные пустоты под полом и в стенах были заполнены горячим паром, подогревая таким образом все тёплые и жаркие комнаты терм (уровнем ниже стоял если не добела, то докрасна раскалённый котёл, в котором, как в адовом пекле, кипела-бурлила вода).

Снова с мужчины пот то ли полил в три ручья, то ли посыпался градом – уже не от повышенной влажности, а от сухой жары.

«Как в моей родной Аравии, пусть она мне... и не родная! Печёт, как в пустыне! Словно сейчас *белое солнце*... надо мной! Только песку снизу для отвязного кайфа и полной реалистичности не хватает!» – подумал император, и из его разверстых уст само собой вырвалось – это душа понеслась в рай:

– Эй, кто-нибудь! Песку сюда! Живо! Только не карету мне! Не карету! Я не собираюсь ехать в деревню или в любую иную глушь! А то был у меня однажды в персидском походе случай, когда мне карету вместо песка... и даже вместо колесницы подогнали! Наверное, в Рим исподтишка пускать не хотели...

Прислуга, состоящая из двух Понтиевых рабов, проворно доставила песок, словно сами парни давно стояли наготове, а песок был уже у них под руками (хватая мешок с сыпучестью, оставалось только не перепутать его с глиной или галькой).

Император проявил недовольство, нахмурившись и затем поиграв дугами бровей:

– Это что за дребедень? Вы меня плохо слышали? Я сказал «песку»! Хотите, чтобы я по десять раз повторял одно и то же?

– Этот песок – из лучших сортов египетского тростника! – виновато улыбаясь, пояснил один из самых сообразительных рабов-банщиков. – Ничего более качественного во всей округе... даже и в Италии сегодня днём с огнём не сыскать! Следующая поставка в Рим будет лишь спустя неделю, а то и через месяц, не раньше, ибо на море шалют пираты...

– Да не сахарного, идиоты! Этот тут размокнет, и *всё станет вокруг голубым и зелёным...* эээ... липким – долго не отмоется... и сам тоже не отмоешься... это я не про тебя, а про себя в третьем лице!.. Я требовал аравийского! Минерал кварца! Диоксид кремния! – срезал «глупца» Филипп (томило духотой, *духовной жаждою* и духовными скрепами, словно *в пустыне мрачной он влачил*).

– Ох! Мы и хотели именно таким вас порадовать в пикку всем прочим минералам и диоксидам! Виноваты! Перепутали! – повинулся сообразительный раб-банщик, мечтая поскорей смыться с глаз владыки Рима и мысленно повторяя правило, выученное им когда-то назубок: *«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»*.

Аравийского, однако, не нашли: Рим – это не арабская клоака и не *белое солнце пустыни*.

– Тогда вина! Фалернского и хиосского! – злобно зашипел в пустоту император. – И сыра! Кусочек! А то мне во рту держать нечего! Именно сыра! На моё требование доставки молочного продукта, получаемого из творога, мне часто приносят продукт, выпекаемый из муки! Зарубите себе на носу: мне хлеба не надо – мне сыра давай!.. Мне... мне... мне... Только что я понял: обожаю всяческие тавтологии, плеоназмы и неоднозначности...

Жидкого алкогольного добра в подвалах Понтиевой виллы было сколько угодно: бесконечные многоярусные ряды наполненных до краёв или уже початых бочек и амфор – сенатор часто причащался, попивая кровь Христову то тайно от супруги, то явно в компаниях с батюшками (жена тоже была христианка, потому аргумент про попов принимала безоговорочно как аксиому).

И твёрдого достояния разной степени твёрдости и мягкости в подвалах тоже было вдоволь и даже завались.

Пустота, в которую прошипел Филипп, его услышала.

– Хозяин велел доставить вот это и оставить здесь! – доложили Понтиевы служки, приволоча в лаконик-судаторий кусок снеди и четыре амфоры питья. – Подкрепитесь, чем ... *где-то Бог послал!*

Всё у императора получилось: и выпил (совсем чуть-чуть, для разогрева), типа причастился, сам того не ведая, и закусил, слегка надкусив сыр. Вышел парадокс: пуза не набил, но насытился от пуза. Вернее, иначе: не насытился, но пузо набил – диета!

В лаконике Филипп задержался ненадолго, вместе с десятью потами в три ручья (а то и градом) побыстрее вытапливая из себя избыточный жир и выпуская наружу все прочие шлаки. Словно попутно приводил своё брненное тело в стройную форму – худел для нового этапа своей жизни.

Жара, как в пустыне! Вот бы ещё жарче! Стоп! Не рухнуть бы, однако, в обморок! Ох, и отвык он уже от родных краёв...

Задумался, ибо чувствовал какую-то если не недодуманность, то внутреннюю недоговорённость. Теперь надо бы чего-то если не повозвышенней, то помягче, попрохладней. Филипп, сунув в рот надкушенный, но оставшийся не съеденным кусочек сыра и прихватив в обе руки по амфоре с фалернским и хиосским, двинулся во фригидарий, где гнездились два небольших бассейна, один из которых был с холодной, а второй с тёплой водой.

Побультыхался и там, и сям, забыв о высоких принципах и заложенной самим же собой римской традиции, которая с позавчерашнего дня должна была уже стать исконной и вседержавной (пусть и особым Эдиктом пока не закреплялась). Понырял, зажав нос. Затем, встав на

ноги (бассейны были неглубокими, с головой не скрывали), всё равно поотплёвывался. Порасслаблялся. Ух, хорошо! Благодать Божья, хоть и земная!

«И какой же араб не любит быстрой езды... эээ... настоящей римской бани с парилочкой... пусть даже и без берёзового веничка, которым можно нещадно и от души похлестать *по наследию мрачных времён!* Эх, лупить так лупить, что есть мочи, *любить так любить, стрелять так стрелять...* Ну, теперь я в который раз чист и свеж, как слеза ребёнка! – самодовольно подумал мужчина, выбираясь из тёплого бассейна и поглаживая своё изрядно похудевшее за последние три дня брюхо, на котором из-за похудания местами появились дряблости. – Скоро снова стану строен, как молодой кипарис! Как Аполлон, будь он неладен, этот языческий Бог!»

Филипп, залпом опорожнив прямо из горлышка пол-амфоры фалернского, прилёг на лежак, стоящий у кромки успокоившейся воды, и... опять стремительно повалился в сон. А повалившись, туда провалился.

Император спал и грезил.

...Филиппу опять снится, как в конце лета 247 года нашей эры он возвращается в Рим, торжественно встречаемый жителями и как *Картийский*, и как *Германский Величайший*. Как победитель. Как триумфатор. Поскольку прежде август уже побывал (не потеряв этот статус) *Парфянским* и *Персидским Величайшим*, то, следовательно, теперь он уже четырежды таковой: в простой превосходной сравнительной степени прилагательного. Не столь уж и нескромно, если вспомнить, что в истории Рима *Величайшими* императоры, даже никого не победив, могли становиться по несколько десятков раз кряду.

– Ave Caesar! Да здравствует император! Ave Augustus! – повторяясь, оголтело кричат не только убеждённые возрастом старухи, достопочтенные матроны и прелестные юные девы, но и седые деды, и отважные мускулистые мужчины (плюс трусоватые хлюпики), и желторотые безусые юноши.

Все бросают в воздух не только чепчики, но и прочие головные уборы: у кого какие есть; а те, у кого нет никаких, подпрыгивая, по старой доброй привычке исступлённо изображают подкидывания.

Такие повторы всегда приятны – их потом, смежив веки, можно просматривать в памяти сутками, неделями и месяцами, многократно прокручивать в грёзах туда-сюда-обратно и наслаждаться мыслью: «О, Боже, как приятно!».

Авторитет августа после разгрома карпов и то ли готов, то ли квадов, то ли обоих племён вкупе с теми, кто к ним примкнул, вырастает до самого Олимпа. Да что там до какой-то эллинской кочки на ровном месте – до небес! До облаков и выше! До Марса! До Юпитера! До самых дальних звёзд!

Такие *победобесные* события должны быть отмечены не просто банальными триумфами и парадами, а Секулярными играми... в честь тысячелетия Рима. И Филипп даёт отмашку на подготовку к следующему 248 году – именно на него выпадает величайшая дата. Тот день, когда царём Ромулом была основана столица мира.

Август Филипп и царь Ромул – это сила! Впрочем, их заслуги несопоставимы, ибо первый разгромил северных варваров, а второй всего лишь заложил камень в фундамент города, который до невероятных размеров вырос вовсе без его участия.

Обнуление

*«Если в мире суеты
На дороге всех утеш
Ты веселья не найдёшь,
Радость ждёт тебя одна:
Уронить слезу спяна!..»*

Отомо Табито

Император спит и грезит.

...Переломный для правящей династии 248 год нашей эры не только грядёт, но и наступает. Его первое утро, не успев начаться, минует и превращается в ночь, а месяц, другой, третий начинают отщёлкивать и лузгаться, словно семечки из солнечного подсолнухового диска.

Снова и снова приятно почивать на лаврах, повторяться в рефлексиях и думать, что теперь ни один мальчик про голого короля даже помыслить не отважится, не то что вслух шёпотом заикнуться, не говоря уж о том, чтобы громко завякать. Зато другой мальчик, Филипп-младший может, наконец-то, продвинуться вперёд и... наверх. *Из тени в свет перелетая.*

Императору снится, как он стоит в «президиуме» курии Юлия и объявляет сенату о заслуженном передвижении родной кровинушки, порождённой его семенем, на ступеньку вверх. В спящем сознании владыки Рима чётко и звучно (с многократным, как в горах, эхом) чеканится его собственная августейшая пламенная речь, которая, однажды впечатавшись в коллективный мозг и разум элиты, останется в веках:

– Мой сын показал себя на все сто! И даже на сто сорок шесть процентов!¹ Совсем чуть-чуть до ста сорока семи... эээ... до тысячи не дотянул! Парень, несмотря на свои малые лета и молодые ногги, выложился по полной! И вы, лучшие люди империи, всё это сами увидели и оценили! Группами и в одиночку шастали ко мне с ходатайствами и мольбами, чтобы мой отпрыск стал не просто цезарем, но и августом! И вот теперь я тоже убедился, что он достоин, и поэтому соглашаюсь с вами! Санкционирую все ваши общие и единоличные челобитья! Мой сын назначается августом! А ещё предводителем дворянства... эээ... *предводителем молодёжи*... А? Что такое? Кто-то против? Ах, вон в чём дело! Оказывается, он уже действующий предводитель молодёжи? Я ему такой титул прежде присвоил? Неужели? Стоп! Это не мой склероз, это советники напортачили! На кре... на плаху их!.. Ну, пусть малец станет дважды предводителем! И молодёжи, и дворянства – всех юнцов и древних патрициев под своё крыло возьмёт и пригреет! Но главное – августом! Моим соавгустом! Он справится, вы все сами меня в этом уверили. Стоп! Вижу, что в разных концах курии многие уже хотят поразевать свои поганые рты?! *На чужой каравай рот не разевай!* Только посмейте теперь возразить! Не стоило в своё время лизоблюдствовать! И *блюдолизствовать* тоже не следовало! Так что теперь роток – под платок или на замок! Можно на два запора! Теперь только молчание, ибо оно – знак согласия!

Императора встречает гробовая тишина, ибо никто из присутствующих в курии (а из отсутствующих и подавно), с одной стороны, не хочет, лишившись языка, умолкнуть навеки, а с другой – даже самому себе признать в том, что желает или желал видеть римским августом маленького капризного, злобного и вечно всем недовольного арабчонка-полукровку.

¹ Из нашего времени. В 2011 году во время выборов в российскую Государственную думу на канале Россия-24 были показаны предварительные результаты голосования в ряде регионов страны: на табло в инфографике по Ростовской области общее число проголосовавших значилось как... свыше 146%.

– Вы думаете, что это всё? – словно насмехается император, хотя на самом деле он сейчас ласкает сенат, усыпляет его бдительность, тянет основную массу в союзники, манит виртуальными морковками-миражами. – Надеемся, что наступил финал?

Кто-то рискует сказать:

– Нет, мы так не думаем и не надеемся, а потому и ждём... терпеливо и молча, добро и зло *приемля равнодушно*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.